

Елизавета ДВОРЕЦКАЯ

КНЯГИНЯ ОЛЬГА ОГНЕННЫЕ ПТИЦЫ

«Все выверено, взвешено, дает вжиться
и погрузиться в эпоху, прочувствовать вкус
слова, раздольного и богатого, как и сама
Русская земля. Настоящий русский роман».

Ник Перумов

Княгиня Ольга

Елизавета Дворецкая

Княгиня Ольга. Огненные птицы

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дворецкая Е. А.

Княгиня Ольга. Огненные птицы / Е. А. Дворецкая — «Эксмо»,
2019 — (Княгиня Ольга)

ISBN 978-5-04-101087-4

Однажды утром древлянский парень Берест обнаружил на свежей могиле киевского князя Игоря десятки тел – то княгиня Ольга начала мстить убийцам мужа. Одним из первых нанес удар по земле древлян юный Лют, сын воеводы Свенельда. Потеряв всех родных, Берест вознамерился отомстить ему. Не раз еще в сражениях Древлянской войны пересекутся пути двух непримиримых противников – в борьбе за победу и за обладание мечом покойного Игоря, который жаждет заполучить его сын и наследник Святослав.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101087-4

© Дворецкая Е. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	6
Часть вторая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	60

О России с любовью

Елизавета Дворецкая Княгиня Ольга. Огненные птицы

Предисловие

Елизавета Дворецкая шагает вглубь веков со своими героями. Не суетное настоящее и не покрытое туманами будущее её предмет, но прошлое, и прошлое не выдуманное, лишь расширенное с тактом, вкусом и мерой. Летописные герои – княгиня Ольга, сын её Святослав, приближённые – сыновья воеводы Свенельда – обретают жизнь и не по «хотению автора», а в соответствии с эпохой. Перед нами – роман не фантастический, но исторический, жизнь воссоздана с археологической точностью. Киевская земля, десятый век. Только что древляне убили князя Игоря (Ингвара, напоминает нам скрупулезный автор), его вдова Ольга – мстит. Не мстить не может – такова цена державы, у которой одна из главнейших скреп – честь.

«Огненные птицы» начинаются с нашей собственной «красной свадьбы» – посватавшегося к вдове киевского князя древлянского набольшего Маломира жестоко убивает сын воеводы Свенельда, Мистина. И дальше мы идём следом за двумя сторонами, киевской и древлянской, в полном соответствии с принципом «своей правды». Никто не вымазан дёгтем, никто не облачён в белые ризы. Жизнь такова, какова есть, и Елизавета Дворецкая не судит своих героев. «Бесценное русским сокровище честь, // Их клятва: «Да будет мне стыдно!» – слова А. К. Толстого в полной мере приложимы к героям Дворецкой.

Стиль книги не скатывается в архаику, но и не страдает излишней «модерновостью». Всё выверено, взвешено, неспешно в хорошем смысле, даёт вжиться и погрузиться в эпоху. И не просто вжиться – прожить, прочувствовать вкус слова, раздольного и богатого, как и сама Русская Земля.

Настоящий русский роман.

Ник Перумов

Часть первая

В последний миг Маломир все понял. На свою беду – уж лучше бы он ушел к дедам в светлый Вырей с тем чувством победного ликования, с каким пировал на свежей могиле врага. Без этого смертного ужаса...

Ингорева вдова, Ольга, сидела напротив Маломира – будто лебедь, вся в белом. Лицо ее, застывшее, бесстрастное, было почти таким же бледным, как обвивавший голову и шею белый шелковый убрus. Лишь отблески костра бросали красные пятна на ее одежду. Причитала она не много – ровно столько, сколько нужно по обычаю. Маломир и другие деревские нарочитые мужи, приглашенные киевской княгиней на поминальную страву по ее супругу, увидели в этом добрый знак: она оставляет в прошлом первое замужество и готова подумать о новом. Да и что ей остается: муж погиб, Киеву грозит война с Деревской землей, сын Ольги – еще отрок, да и сидит где-то на дальнем краю света. Свенельд, столько лет правивший на берегах Ужа, мертв...

В смерти Свенельда древляне были неповинны, и у Маломира, казалось бы, не имелось особых причин опасаться его старшего сына. Мистина Свенельдич и сейчас держался как друг – подсел к нему, сам наливал меда, взяв кувшин у кого-то из Ольгиных отроков. Длинным боевым ножом с белой костяной рукоятью доставал с блюда кусок жареного мяса, наколов на острие, подал Маломиру на куске хлеба, а киевский отрок, почтительно склонившись, держал перед ними солонку – да не простую, а из чистого серебра. Поминальную страву готовят единую для живых и мертвых, но мертвые не употребляют соли, поэтому живые свою часть солят уже прямо перед едой. Ольга привезла из Киева целый воз дорогой посуды и утвари; деревские старейшины дивились, разглядывая поливные кувшины и расписные блюда – где олени, где птицы, где рыбы или даже пятнистый зверь пард. Серебряные, с позолотой, с резьбой, с самоцветами чаши и кубки – частью купленные у греков, но в большинстве взятые как добыча из Греческого царства еще десять лет назад. Вот как киевские князья живут, собирая дань с десятка племен и торгуя со всем белым светом! Разгорались глаза, невольно думалось: скоро все эти диковины Золотого царства будут наши. А какие припасы привезла Ингорева вдова! Бычка, свиней, овец, кур – без счета. Печеный хлеб, крупа для каши, мука для блинов – коробами. Пиво, стоялый мед и красное греческое вино – бочонками. И все это лилось рекой в подставленные кубки – древляне едва успевали опустошать их.

Мистина поднял кубок, тоже серебряный, навстречу кубку Маломира, снова предлагая выпить вместе. Кубок он держал в левой руке, а правой почти по-родственному приобнимал Маломира за плечи. Нарочитые мужи рядом уже тянули свадебную песню – в их мыслях свадьба Маломира с Ингоревой вдовой была совсем близка. Маломир отпил, опустил кубок, повернул голову к Мистине.

– Вот так... – он с трудом собирался с мыслями, но хотел непременно сказать то, что вертелось в голове. – Подловили мы... лебедь белую... – Он кивнул на Ольгу.

Та подняла голову и посмотрела прямо на него, хотя едва ли могла расслышать эти слова в нестройном шуме попойки.

– Верно же? – Маломир взглянул на Мистину. – Был ты мне раз сватом... с Олеговной... другой раз будешь...

– Истовое твое слово, – улыбнулся тот, и жесткое лицо его от улыбки сделалось ясным и привлекательным, будто солнце.

Лишь взгляд серых глаз, при огне почти черных, вдруг изменился. Из дружелюбного он стал сосредоточенным и безжалостным.

В этот миг Маломир все понял. Понял, что совершил ужасную, непоправимую ошибку, когда согласился пировать на этой страве по своему врагу. Когда сел на кошмы у подножия свежей могильной насыпи вместе с русами – уже второе поколение непримиримыми врагами

деревского рода. Зеленая лужайка обернулась губительной топью, но ты уже по плечи в ней и не то что выбраться – крикнуть не сумеешь.

Но сделать он ничего не успел. Не сумел даже увидеть, как кубок Мистины покатился по земле, а его место в руке занял скрамасак с рукоятью белой кости. Лишь ощутил сильный удар под дых, но не понял, что удар нанесен клинком. В глазах потемнело, и вместе с пронзительной болью навалилась черная бездна. Тьма поглотила лицо Мистины с безжалостной сосредоточенностью в глазах. Тот смотрел уже отстраненно: не как на живого человека, как на бревно или камень под ногами.

Свенельдич-старший выдернул нож, и Маломир свалился лицом вниз ему под ноги, прямо на блюдо с остатками жертвенного мяса. Пение смолкло, со всех сторон зазвучали крики. Мистина вскинул правую руку и ловко подхватил в воздухе рукоять меча, брошенного ему отроком-оружничим, – мечи и секиры были в последней бочке вместо пива, и он сам неприметно подал знак, что пора ее вскрывать. И тут же обрушил клинок на шею еще кого-то из древлян, сидевшего с другой стороны. Кровь потекла по кошмам, красные лужи стали расплзаться между блюдами, упавшими кубками, краяхами хлеба, полуобглоданными костями.

Древляне почти не сопротивлялись: уже сильно пьяные, объевшиеся, ословелые, они не имели при себе оружия, кроме коротких поясных ножей. Иные уже дремали, привалившись к плечу соседа или прикорнув на земле; клинок секиры в руках Ольгиных отроков или меч кого-то из телохранителей Мистины делали их сон вечным. Другие, едва успев вскинуть голову, привстать, получали лезвием по незащищенному черепу, по шее, по плечам. Умирали, даже не успев понять, что происходит.

Перепрыгивая через мертвых и умирающих, русы без задержки обрушивались на нового врага. Числом они уступали древлянам более чем втрое – Маломира сопровождали около полусотни деревских нарочитых мужей с родичами, а Ольга привезла неполных два десятка отроков, чтобы служить им на пиру. С Мистиной было четверо оружников-телохранителей – мужчине такого рода и положения не к лицу показываться без них. И вот уже у них, трезвых и стремительных, оказалось у каждого на счету по двое-трое убитых древлян...

Среди кровавого буйства Ольга оставалась неподвижной – сидела на прежнем месте, сложив руки на коленях, лишь прикрывала глаза, когда клинок проносился вблизи ее головы или чье-то тело падало пообок. И думала: если я сейчас умру, то буду знать, что исполнила свой долг. Без стыда взгляну Ингвару в глаза... Страха не было. Главный страх – что гибель мужа приведет к скорому крушению всей созданной их браком державы, оставит ее сына без наследия, погубит славу и завоевания предшественников – привел ее сюда. И вот она сумела нанести удар. Отомстила за мужа, спасла честь рода. С этим не стыдно умирать. А для дальнейшего у нее есть сын. Святославу тринадцать – он уже мужчина и получил меч.

Мистина заранее велел Эльге во время боя оставаться на месте, чтобы случайно не попасть кому-нибудь под руку. Поначалу он настаивал, чтобы она ушла от могильной насыпи до того, как все начнется, но она отказалась.

– Если я исчезну с глаз, древляне насторожатся. Пока я среди них, они будут спокойно пить и радоваться победе. И я... я хочу видеть, как мой муж будет отомщен.

Она сказала это твердо, как о чем-то, хорошо продуманном, и Мистина не стал спорить. Он боялся за нее, но сейчас не смел возражать. Только-только она вернула ему часть прежнего доверия, и оно казалось ему слабым и хрупким, как едва проклюнувшийся огонек на полоске бересты, раздутый из искры. Она хотя бы снова верит, что он на ее стороне. Пусть будет как она хочет.

– Я не могу этого сделать сама, – она взглянула на него почти с мольбой. – Но я хочу видеть, как это сделаете вы...

«Это сделаешь ты», – говорил ее взгляд. И то, что она доверила его рукам их общую месть, Мистина принимал как величайшую награду. Вручи она теперь ему всю дань деревскую – это пыль перед этим священным правом.

– Будь по-твоему, – Мистина склонил голову. – И ты не с чужих слов будешь знать, что я...

«Что я не предатель», – хотел он сказать, но не мог вымолвить это слово. Как будто, услышав его, Эльга еще могла передумать.

Вдруг еще одна женщина, тоже одетая в белое, с криком бросилась к ногам Эльги. Она не смела поднять головы и прижималась лицом к подолу киевской княгини, будто дитя, прячущееся в коленях матери. Впервые шевельнувшись, Эльга положила руку ей на плечо. Не то пытаясь удержать на месте, не то обещая: если мы умрем, то умрем вместе. Это была ее внучатая племянница, Предслава Олеговна, княгиня деревская. Ее муж, Володислав, оставался с детьми в Искоростене, а она приехала с его дядей и соправителем, Маломиром, на эту страву по Ингвару: он приходился родным братом ее матери. Восемь лет назад брак Предславы с Володиславом был заключен в надежде на мир между русью и древлянами. И вот к чему привели все усилия: Ингвар мертв, Маломир тоже, и само небо кровавым дождем падало на голову двадцатидвухлетней княгини.

Когда Предславу подняли, уже все было кончено. Стихли крики и предсмертные вопли, треск посуды под ногами. Везде вокруг могильной насыпи вповалку лежали тела в нарядной крашеной одежде. Деревские передние мужи оделись в лучшее ради торжества над своим врагом, а теперь предстанут в этом перед госпожой Нави – Мареной и могучим Трояном-Волосом, супругом ее. Кияне Ольгиной дружины явились сюда в белой «печальной» одежде, и теперь эта белизна у каждого, не исключая и женщин, оказалась густо окрашена деревской кровью.

– Славуня, вставай! – Эльга обняла Предславу, не давая ей вновь упасть: бедняжку не держали ноги. – Опомнись! Все кончено! Эй, дайте кто-нибудь воды! Причитать некогда, ехать пора! Потом поплачешь. В седле сможешь держаться? Или найти кого, чтобы тебя везли?

Один из оружников Мистины с готовностью сделал шаг вперед: датчанин Алдан ждал поблизости на случай, если младшей из двух княгинь понадобится помощь.

– Нет, я не поеду с вами! – Предслава говорила с трудом, подавляя рыдания и судорожно сглатывая. Дикое потрясение не давало ей даже заплакать. – Куда же я... мне домой надо... в Искоростень...

– Ты хочешь вернуться? – Эльга нахмурилась. – К чему? Ты теперь будешь им кровным врагом. Поедем со мной, тебе же безопаснее.

– А дети? – Предслава отчасти взяла себя в руки и взглянула ей в лицо. – Они же дома остались! Куда я от них уеду! Что с ними будет без меня!

«А что будет с ними и с тобой?» – мысленно ответила Эльга и вопросительно взглянула на Мистину.

Он как раз подошел к ним: меч его уже был вытерт и убран в ножны на плечевом ремне. Белый кафтан от крови стал черно-красным: первое пятно от той струи, что упала ему на грудь, когда он выдернул клинок из груди Маломира, уже скрылось под новыми потеками и брызгами. Лицо его без слов говорило: медлить нельзя. Малой княгининой дружине предстояло сделать два конных перехода по чужой враждебной земле.

– Она не хочет ехать! – сказала ему Эльга. – Но как я могу ее здесь оставить?

– Она – их княгиня, и муж ее жив, – напомнил Мистина. – И если она не хочет ехать... Прикажи, и она уедет, – он кивнул и взглянул на стоявшего вблизи Алдана.

– Нет, не неволь меня, я должна вернуться к детям! – Предслава умоляюще вцепилась в руку Эльги.

У нее стучали зубы: она еще не осознала всех возможных последствий избоища на страве, но стремление быть с детьми и оберегать их побеждало и ужас, и разум.

Мистина сделал Эльге знак глазами: лучше заберем ее, хотел он сказать, и Эльга с облегчением отметила, что вновь понимает его без слов. Будто и не было этой разлуки, когда он поневоле сидел в Деревской земле и даже делал вид, будто держит руку ее мятежных владык, а она напрасно ждала его в Киеве, не в силах опровергнуть наветы.

– К чему неволить! – Эльга вздохнула. – Всякому своя судьба. Если ты уверена... Но пойми! – Она взяла Предславу за плечи. – Если мы сейчас разойдемся, я больше ничего не смогу для тебя сделать, никак помочь, пока...

– Пусть! Но я сама в Киеве умру, если буду знать, что чада мои там одни среди чужих...

– Поехали! – Мистина взял Эльгу за локоть, собираясь вести с могильной насыпи к лошадям. – Время дорого.

Эльга обняла Предславу на прощание, Мистина бегло поцеловал ее – до замужества Предслава росла в доме его отца. Но мысли его уже были от нее далеко: она выбрала свою дорогу, а ему предстоял еще долгий путь по своей.

Мистина увел Эльгу, посадил в седло. Его и Эльгины отроки спешно рассаживались по коням, перекрикивались десятские, проверяя своих людей и докладывая о готовности в путь.

Предслава одна осталась близ свежей насыпи. Из живых – одна. Она стояла, бессильно уронив руки и глядя вслед быстро удалявшейся дружине. Вскоре киян поглотила ночная тьма, и лишь грохот копыт еще отдавался над лугом, на дороге вдоль речки Иржи. Но вот затих и он, и наступила тишина. Будто сама жизнь умчалась прочь от нее. Навеки...

Из сотни дышащих, говорящих, поющих, смеющихся людей осталась лишь Предслава. Не верилось, что совсем недавно, в сумерках, здесь звучали голоса, звенели кубки, рокотали струны гуслей и смыков. Полсотни мертвецов усеивали землю вокруг нее, и она не знала, как выйти из их кольца, ни на кого не наступив. Мертвецы будто взяли ее в полон, и ей хотелось кричать вслед уехавшим, молить, чтобы вывели ее из этого жуткого круга.

Но поздно кричать. Она выбрала свою судьбу. Как и Маломир, когда вздумал свататься к вдове погубленного его руками Ингоря киевского. Как вся земля Деревская, что надеялась этим убийством вернуть давно утраченную свободу.

Эти реки крови, что стекли на свежую могильную землю, пролил лишь первый взмах киевского меча. Вслед за ним поднимутся еще тысячи клинков, и удара их не отвратить никому...

* * *

Младший сын Свенельда, Лют, плохие новости узнал в Витичеве. Еще на пристани, пока люди выгружались из лодий, здороваясь с Тормаровыми отроками, он заметил: местные как-то странно на него поглядывают. Кто-то из здешних оживленно что-то рассказывал прямо у сходней – слышались изумленные восклицания. Лют хотел подойти, но Кручай, Тормаров тиун, тронул его за плечо:

– А ты, Свенельдич, к боярину ступай. Велел сразу, как с лодьи сойдешь, к нему идти.

Лют обернулся и увидел Бернишу – одного из Тормаровых телохранителей. Тот кивнул, приветствуя его, и знаком показал: пойдём.

Встречные таращили на него глаза – не то удивленно, не то опасливо. Под этими взглядами Лют невольно чувствовал себя выходцем с того света. Так, бывает, встречают чужаков в разных глухих углах, но не в Витичеве же – крепости, где живет половина большой княжеской дружины и где купеческие обозы в Царьград и Самкрай проходят по шесть раз в год!

– У меня что, хвост вырос? – пробовал пошутить Лют, но Берниша не засмеялся, а только покрутил головой.

Все это было очень странно. Никто даже не спросил у него о новостях Греческого царства, как обычно бывает, когда царьградский обоз возвращается сперва в Витичев, а потом в Киев.

Оглянувшись от ворот, Лют увидел на пристани у лодий своих спутников-купцов: они стояли кружком и слушали, о чем им повествует Кручай. Вместо того чтобы самим рассказывать, как там Царьград, как Болгарское царство, как уличи, печенеги, как прошли пороги, что купили да почем... «Не окрестился там? Невесту себе не раздобыл за морем? – шутливо спрашивали его в последние года два. – Дочерей царевых не видал?» Сегодня не спрашивали ни о чем.

Воевода Тормар ждал в гриднице. Его, одного из ближайших приятелей отца, Лют знал с раннего детства, и хотя княжья служба развела бояр – одного к древлянам на запад, другого в крепость на юг от Киева, – тем не менее они виделись несколько раз в год: на пирах у князя или когда случался поход. Тормар, сын Руалда, одного из бояр Олега Вещего, рослый мужчина, был украшением и ратного поля, и княжеских пиров – с ясным лицом, густыми, красиво лежащими русыми волосами и такой же густой, окладистой, но рыжей бородой. Немного близко посаженные глаза придавали ему озабоченный вид. И в волосах, и в бороде его уже белела седина, но Лют, привыкший к нему с детства, заметил ее только сейчас. Наверное, потому, что серые глаза воеводы смотрели на него с непривычной суровостью.

– Будь жив, Свенельдич! – Тормар встал, сделал несколько шагов ему навстречу и обнял.

Но, несмотря на это теплое приветствие, Лют видел: боярин как будто смущен этой встречей. Не знает, как держаться, будто ему вместо давно знакомого парня явилась птица Сирий.

– Как у вас? – продолжал Тормар. – Как съездили? Все живы?

– Слава богам. А как здесь? От отца что слышно?

Едва задав этот вопрос, Лют заметил, как Тормар переменился в лице. Давно зревшее беспокойство захлестнуло душу.

– Садись, – Тормар кивнул ему на скамью возле своего хозяйского сиденья. – Ничего еще не слышал?

– Ничего такого – нет, – подавляя тревогу, ответил Лют. – Что случилось-то?

Тормар глубоко втянул воздух и опустил широкие ладони на колени – будто отталкивался перед прыжком.

– Держись, Свенельдич, – он глянул на Люта, словно пытаясь взглядом передать ему твердости. – Осиротел ты... и мы все тоже. Твой отец погиб. На лову его медведь заломал, вскоре после Купалий. А как приспела осень... князь наш, Ингорь, убит был древлянами. По зимнему пути будет у нас поход в Деревя, княгиня и брат твой уже велели дружину готовить. С полян и то ратников собираем.

В один миг узнать о смерти и отца, и князя – это было слишком много для парня неполных восемнадцати лет. В ушах звенело, кровь бросилась в лицо, загорелись даже уши. Лют сидел, будто секирой по шлему получив. Мысленно повторял услышанное и пытался уразуметь значение этих понятных слов. Отец погиб на лову... а князя убили древляне... Будет поход...

В груди нарастала боль, смешанная с ужасом. Лют любил своего отца. Свенельд не отличался отеческой нежностью, но к младшему сыну был строг и справедлив, а какой еще надо доброты? Главное, растил и воспитывал его для важных дел, а не для возни по хозяйству, что было обычной долей детей челядинок. Это его товары – деревскую дань – Лют уже три года возил в Царьград продавать. В голове грохотало, как будто там сталкивались грозные тучи. Боль потери, страх перед неизбежными и грозными переменами – для него самого, для всей земли Русской... Ведь сын Ингвара, Святослав, еще отрок – всего год как меч получил. Кто теперь станет вождем руси? Кто будет править огромной державой, раскинувшейся от низовий Волхова до устья Днестра?

– Ты не медли, – добавил Тормар, глядя на него с сочувствием. – Брат небось ждет тебя...

– А он как? – с трудом выговорил Лют.

– Да... Вернулся наконец. Я видел его, три дня тому. Княгиня его привезла назад, как ездила на могилу Ингореву... А до того его все лето в Киеве не видали и... болтали всякое.

– Какое – всякое?

– Да будто бы его древляне хотели на свою сторону перетянуть и против князя биться заставить.

– Что-о? – Лют вытаращил глаза. – Они охренели?

Это было все равно что попытаться заставить орла жить в болоте и питаться пиявками. Мистина Свенельдич, старший сводный брат Люта, с детства был побратимом Ингвара и ближайшим его соратником. Заставить его выступить против князя – все равно что поссорить Ингвара с его собственной правой рукой.

– Я об этом мало что знаю. – Тормар нахмурился, не желая углубляться в слухи и сплетни. – Языком зря трепать не хочу. Поезжай в Киев, там все узнаешь.

До Киева оставалось два перехода по реке. Или один конный, если конь и всадник хороши. Но не гнать же среди ночи! Уехать раньше завтрашнего дня было нельзя, и Лют остался, как обычно, ночевать, но почти не спал. В дружинной избе было непривычно тихо: придавленные тревожными новостями, отроки почти не болтали, а поели и улеглись спать. Все знали, что завтра придется приналечь на весла. Кольбран, старший над всей дружиной, долго еще толковал с купцами и своими ближними оружниками, но и когда они улеглись, на полатах слышалось беспокойное перешептывание. С Евладом, отцовым купцом, своим обычным спутником в торговых поездках, Лют почти не говорил: тот тоже был потрясен новостями, но что толку строить догадки, ничего точно не зная?

Все заботы вчерашнего дня – выгода покупок и продаж, заготовленные близкими подарки, ожидания семейных новостей, дорожные приключения, происшествия на торгу и ругань с Пантелеймоном, царевым мужем, приставленным следить, чтобы русы покупали только разрешенные к заморской продаже виды паволок и только в установленном размере, и как им перед отъездом пытались всучить гнилые канаты – все забылось, развеялось. То, что ждало впереди, было гораздо важнее.

Чем больше Лют свыкался с мыслью о смерти отца, тем сильнее делалась боль в груди. Брови ломило, но он только жмурился, не в силах облегчить душу слезами. Он никогда не видел, чтобы мужчины плакали. И сам отучился от этого дела за много лет до того, как ему вручили настоящую секиру. Получить меч сыну челядинки просто так, потому что исполнилось двенадцать, было нельзя. Меч такому, как он, требовалось заслужить. Он знал это с детства. «Ревут только бабы и холопы, – говорил ему, еще дитяте, Свенельд. – В тебе моя кровь датских конунгов, но от матери тебе досталась холопья кровь. Посмотрим, что победит. Норны решают, кем человеку родиться, но кем ты себя покажешь – зависит от тебя». Лют знал, кем он хочет себя показать. Он посчитал бы, что опозорил отца и брата, если бы позволил холопье крови взять в нем верх над их кровью. И до сих пор у него получалось неплохо – не зря же отец доверял ему, пусть и под присмотром опытных людей, сбывать деревских бобров, куниц, меха и мед.

А теперь... Лют потерял не только отца. Он утратил положение в роду, свое место в мире. Сын воеводы и челядинки, в день смерти Свенельда он неведомо для себя получил свободу. Но и все. По закону ему, побочному сыну богатейшего боярина, не полагалось никакого наследства. Ни хвоста беличьего. Теперь он мог распоряжаться самим собой и тем, что было на нем надето. Останется ли он в роду – зависело от воли старшего брата, Мистины Свенельдича, законного наследника.

Но какие сокровища могут быть дороже воли! Права распоряжаться собой! Выросший при дружинах, Лют не боялся остаться с судьбой один на один. Он знал, куда деваться такому, как он. Даже если его служба не понадобится новым владыкам Киева, в Царьграде, в Средней этерии, куда охотно нанимают варягов, ему будут очень рады. И нужные знакомства у него имелись – недаром же русские купцы что ни год по три месяца жили в стратонесах предместья Святого Мамы, где как раз и стоит по зимам Средняя этерия.

Какое там спать! Душа его этой ночью была как море в бурю – волнами накатывала то боль потери, то тревога о судьбе всей земли Русской, стоявшей на грани больших потрясений, то кружащее голову ощущение свободы. Сейчас Лют еще сам не знал, чего хочет и к чему ему стремиться. Так, наверное, чувствует себя лист, оторванный от ветки и уносимый сильным ветром в неведомое. Неподвижно лежа на скамье, Лют закрывал глаза и ощущал этот полет.

В одном он твердо был уверен. Как бы ни повернулась дальше его судьба, главная цель у него осталась прежней. Гибель его ждет или возвышение – не так уж важно. Важно – доказать всему свету, что кровь конунгов в нем сильнее жидкой холопьею крови. Всему свету – и самому себе.

* * *

Зрелище было настолько жуткое, что Берест не верил своим глазам. Стоял, как бдын, на краю луга, шагах в десяти от свежей могильной насыпи, и судорожно сглатывал. Потом, когда смысл увиденного подошел к сознанию поближе, его все же скрутило – вывернуло. Но с рассвета он еще ничего не ел – мать, пока варила кашу, послала его посмотреть, чего отцы со стравы не идут, неужели пировали до свету? Все же не Купалии на дворе – жатва прошла, ночью и особенно перед зарей холодно. Поэтому сейчас Берест лишь давился мучительными судорогами пустого желудка, кашлял и сглатывал. Закрыв глаза – но и так перед взором стояло это: пожухлая, еще зеленая трава, а на ней десятки человеческих тел, похожие на кучи брошенной одежды. Нарочитые мужи носили варяжские кафтаны, у иных даже с полосками цветного шелка на груди – в разное время полученные в дар от Свенельда и самого Ингоря. Теперь все это облегалось изрубленные, окровавленные тела. Хорошая ткань была испятнана уже почерневшими потеками крови. Стояла жуткая вонь от распоротых животов и разрубленных секирами черепов. Прыгали над телами вороны, испуская истошные гортанные крики. Огненным сполохом метнулась прочь лиса.

И было тихо. Ни звука, ни вдоха, ни стопа. Только ветер шевелил траву по краям истоптанного луга.

Вытерев рот рукавом, Берест обернулся: надо уже взять себя в руки. Он не дитя, не отроча – восемнадцать лет сравнялось. Три года как за ралом ходит, на Мокошиной неделе жениться будет...

Это сон? Или морок? Собрав всю волю, он заставил себя сделать шаг ближе к могильной насыпи. На глаза попала среди травы отрубленная кисть руки, где в пальцах еще был зажат засохший, надкушенный кусок баранины... И Берест снова поспешно отвернулся, сгибаясь пополам. Не держали ноги, но сесть на холодную землю он боялся. Казалось, сама земля источает смерть и втянет его в себя, умертвит, как этих всех...

Полсотни лучших мужей деревских! Только на днях они съехались сюда, в Малин, к старинному святилищу племени маличей на Ирже, чтобы увидеть, как князь Маломир встретится с киевской княгиней Ольгой, вдовой недавно убитого неподалеку, на Тетерева, князя Ингоря. Она сказала, что должна принести жертвы на могиле мужа, проводить его дух к дедам, а потом уже говорить о новом замужестве. Берест сам видел, вместе с другими маличами, как она приехала. С нею было два десятка отроков, припасы к пиру – и все. Казалось бы, чего опасаться? Отцы толковали, что из затеи этого брака едва ли что выйдет: даже пусть Ольга встанет с Маломиром под свадебный рушник, русь и кияне после этого не признают ее своей госпожой, и Маломир получит жену, пусть знатную и красивую, но не власть над Киевом. Однако это все было делом будущего. Вчера Маломир созвал всех старейшин земли Деревской, кто только мог успеть приехать: самих древлян – с берегов Ужа, Нoryни и Уборти, маличей – с Тетерева. Только от случан никого не было, но их, с западных окраин, ждать пришлось бы долго. А Ольга

была уже здесь, и Маломир не хотел откладывать день своего торжества. Пусть все увидят, как склонится перед ним жена Ингоря, родная племянница Олега Вещего!

Многие из Малина видели, как готовился этот пир. Берест с братьями сам помогал расстилать на земле кошмы и овчины, рубить и возить дрова для костров. Киевские отроки даже дали им по пирогу. В сумерках молодежь отправили домой. Вчера Берест жалел об этом. Теперь не мог опомниться от холодной жути – дозволю ему и братьям боярин Гвездобор задержаться, и сейчас они лежали бы здесь, на этой окровавленной земле, холодные, как сама осенняя земля...

Гвездобор... он ведь где-то здесь должен быть... От новой мысли волосы шевельнулись на голове. До этого Берест был просто поражен видом пяти или шести десятков изуродованных тел, но теперь сообразил: а ведь и все малинские старейшины, приглашенные княгиней киевской на погребение, тоже где-то среди этого трупья... Нет! Он снова схватился за горло, но сглотнул и с усилием перевел дух. От этой мысли, казалось, мозги покрывались льдом. Они же пошли вместе с Гвездобором, старшие родичи и главы окрестных весей. Лисун, Молибож, Костыря... дед Миряты, дядька Родима... И никто из них не... не вернулся в весь... иначе уже давно была бы поднята тревога...

Но может, кияне их в полон взяли? Пытаясь успокоить себя этой мыслью, Берест сделал еще три шага вперед, заставляя себя вглядываться в лица.

Ему случалось видеть мертвецов. Чуть не всякий год кто-нибудь да помирал, и он видел, как провожают родовичей на краду, устроенную на жальнике. Прошлой зимой Лихоню порвал медведь – вот на его тело было страшно смотреть. Но этих было слишком много сразу, слишком неожиданно... не к тому они готовились... Пробивало дрожью при виде этих выпученных или полуприкрытых глаз, оскаленных окровавленных зубов, искаженных лиц. Почти все эти лица Берест знал.

Он еще раз окинул взглядом луг. Не брали кияне пленных, все здесь... Увидев знакомый затылок и сутулые плечи деда Миряты – прямо на затылке чернел пролом от лезвия секиры, – Берест отвернулся. Нечего искать уцелевших. Надо людей звать.

А вот потом с ним случилось такое, о чем было стыдно вспоминать. Сделав шаг, он вдруг боковым зрением уловил движение и услышал сдавленный стон. Но за эти долгие жуткие мгновения Берест настолько свыкся с мыслью, что вокруг него одни мертвецы, что, когда одно из тел шевельнулось и привстало, с ним случилось то, что бывает с беспортошными мальцами... почему им портов и не полагается. Он прирос к земле, чувствуя, как в портах стало мокро и липко... И смотрел, не в силах шевельнуться, как лежащее поодаль от прочих тело – в белой одежде, густо забрызганной темно-красным, – тяжело поднимается с кошмы...

Это была женщина. Живая она или мертвая, Берест сразу не понял. Лицо бледное, как белая ее свитка, запавшие глаза... Однако лицо знакомое...

Сварог-отец, да это же княгиня! Предслава Олеговна, из Искоростеня, жена Володислава! Она увидела Береста и потянулась к нему, сидя на земле; вид у нее был такой, будто она сама не очень понимает, на каком она свете. Вся ее одежда и даже часть лица были в крови, но сразу не удавалось понять, куда она ранена. Берест понимал, что должен подойти, помочь ей, перевязать, если еще не поздно, но не мог сдвинуться с места. Только подойди, прикоснись – и сам очутишься во власти Морены, хозяйки этого пира кровавого...

Княгиня огляделась и зарыдала. Без удивления и потрясения – у нее уже было время осознать, что случилось. С полным пониманием огромного горя, что обрушилось на землю Деревскую.

Этот звук горького женского плача наконец вернул в тело Берестову душу, что до этого все болталась где-то над затылком, привязанная тонкой серебряной ниточкой. Это не сон и не морок. Эта полусотня изуродованных мертвецов – правда. И ему, Бересту, Коняеву сыну, придется сейчас идти с этой правдой к людям...

* * *

Прибытие царьградского обоза было важным событием осени в Киеве и всегда привлекало много народу. Но сегодня людей на пристани у Почайны было больше обычного, и еще с лодьи Лют заметил кучку белых «печальных» кафтанов. Сам он был одет в обычную дорожную одежду, только вывернутую наизнанку – наряжаться в цветное платье, как обычно делали перед приходом в город, дабы показать успех похода, сейчас было неуместно. У сходней его ждал Альв – сотский оружников Мистины, тоже в белом кафтане. Молча обнял Люта, похлопал по спине, выражая сочувствие.

– Мистина у княгини. Хочешь, ступай к нему, или дома увидитесь. Но это уж ближе к ночи.

– Нам еще разгрузиться надо.

– Все у вас хорошо? Людей не потеряли?

– Один умер летом у Святого Мамы, съел чего-то не то. А так все целы.

– Хорошо. Люди нам теперь понадобятся.

Альв ничего больше не стал рассказывать: после Витичева путники уже знают самое главное.

Вот почему так много людей: сойдя на причал, Лют разглядел, что в городе все четыре вышгородские сотни. Многие знакомые – и оружники, и десятские, и Енар Шило, Иворов сотский, – подходили к Люту здороваться, тоже обнимали и хлопали по спине. Не все любили Свенельда, но тяжесть этой потери – и для рода, и для державы в целом – все осознавали не хуже Люта.

Иные не приближались, лишь посматривали с любопытством со стороны, и в их глазах Лют видел отражение тех же вопросов и ожиданий, что томили его самого. На такие взгляды он привычно отвечал сосредоточенно-вызывающим взглядом, заставляя отводить глаза.

Очень хотелось поскорее увидеть брата. Теперь Мистина стал вершителем его судьбы, и казалось, один взгляд в это знакомое лицо откроет Люту его грядущую участь. Со дня смерти отца Мистине принадлежало право решать, быть младшему брату человеком или нет. Судя по тому, что он прислал на пристань Альва – свою правую руку, Люту не грозило быть отторгнутым от дома и рода. Но что будет теперь с самим Мистиной? При Ингваре его положение было нерушимо, но того больше нет... И Свенельда нет, а значит, многочисленные враги отца и сына теперь попытаются отыграться за все свои потери.

Десять лет назад Свенельд с младшими домочадцами перебрался из Киева жить в Деревскую землю, и в поприще от Искоростеня у него был свой городец. Возвращаясь из Царьграда, Лют и Свенельдова дружина всегда сначала останавливались в Киеве, чтобы дать отчет Мистине о его доле товаров и денег, а заодно рассказать на княжьем дворе заморские новости. Мистина со своей семьей и дружиной занимал старый отцовский двор, который и сейчас, десять лет спустя, все еще называли Свенельдовым. Сюда Лют попал уже почти в темноте: когда проследил, как перевозят в клетки товары из лодий. Киев изменился: на улицах, пристанях и торгах замечалось многолюдство и тревожное оживление. Лица были мрачны, полгорода обрядилось в «горевую» белую сряду, остальные носили обычную одежду, но, как и Лют, швами наружу. Князь был общим отцом всему русскому и полянскому роду, смерть унесла его совсем недавно.

Но он уже был отомщен. Еще в Витичеве Лют услышал о походе княгини Эльги в Деревскую землю: с двумя десятками отроков она отправилась на могилу Ингвара и там приказала перебить с полсотни упившихся деревских старейшин. С самим Маломиром, ее незадачливым женихом, во главе. Рассказывая об этом снова, вышгородские оружники расправляли плечи, на лицах отражалась гордость своей госпожой. Вышгородская половина дружины уже почти

десять лет принадлежала Эльге, и теперь отроки, не бывшие в тот день с ней, гордились этим делом, как своим.

Во дворе перед жилыми избами Люта встретила Ута – его невестка, жена Мистины и двоюродная сестра Эльги. Через нее Свенельд стал сватом самого Олега Вещего, и скромную, трудолюбивую, самоотверженную Уту в семье очень почитали. Вид у нее был изможденный; при виде младшего деверя на глаза набежали слезы, но быстро высохли – она уже все выплакала.

Обняв парня, Ута провела его в дом, усадила, пыталась покормить. Но он не мог есть, а только глядел на нее, желая и не смея спросить: как... От Енаря он еще на пристани услышал – Ута и ее дети были при том, когда Ингвар погиб. Все случилось у них на глазах. Но как они попали на берег Тетерева, да еще в такой страшный час?

– Все это из-за нас... – Ута сидела, уронив руки на колени, и от ее одетой в белое худощавой, малорослой фигуры веяло тоской и неутолимой болью. Она исхудала за эти лето и осень, черты лица заострились, сделав ее старше ее неполных тридцати лет. – Из-за меня и детей. Если бы мы не поехали на погребение... но кто же мог знать?

И вот тут Лют узнал самое для него страшное. Понял, почему русы – и в Витичеве, и в Киеве – так странно на него смотрели. Убийство Ингвара не состоялось бы, если бы не измена Свенельдовой дружины. Лет пятнадцать безраздельно пользуясь всей деревской данью, его оружники разбогатели, завели семьи и хозяйство, носили греческие кафтаны и желали, чтобы после смерти господина все осталось по-старому. Для этого им требовался новый, такой же влиятельный вожак, способный отстоять свои и их права перед Киевом. Его они надеялись найти в Мистине, но тот обманул их надежды: отказался ради деревских бобров изменить Ингвару и русской державе. Пытаясь его принудить, старшие Свенельдовы оружники сговорились с древлянами и устроили похищение Мистининой семьи: жены, четверых детей и сестры-девицы. Их спрятали в болотах, в тайном старинном святилище, куда знали дорогу меж топей лишь самые сведущие из местных. И оттуда их сумел вызволить Ингвар с двумя десятками гридей. А на обратной дороге их ждала засада на реке Тетерев: древляне во главе с Маломиром и остатки Свенельдовой дружины, уже к тому времени перебитой Ингваром. Последнюю битву русский князь принял на берегу, на глазах Уты и детей¹. Гримкель Секира, его сотский, был убит стрелой в тот миг, когда держал на руках Велесика – шестилетнего сына Мистины. Сейчас мальчик, тоже одетый во все белое, жался к коленям матери, и лицо его было не по годам сурово.

– Я все понял, – подняв глаза к молодому стрюю, сказал он, когда Ута умолкла перевести дух. – Гримкель и его люди погибли, чтобы спасти нас. Когда у меня будут свои оружники, я буду им как брат и отец. Потому что вождь и дружина – это отец и дети, братья и... братья.

Ута притянула его к себе и поцеловала в голову. Она сама учила его этому, и он, сын и внук воевод, крепко запомнил страшный урок своего детства.

А вот Лют снова сидел, как дубиной по шлему ударенный. Сейчас он хуже шестилетнего дитяти понимал, что ему думать обо всем об этом. Сигте Сакс... Эллиди с его серебряными бусинами на косичках темной бороды... Четверо братьев Свеновичей, ловких по торговым делам: двое из них обычно летом ездили в Царьград продавать деревскую дань, а двое – зимой на моравский путь с полученными взамен греческими паволоками. При отце оставались Рановид и Туробор – значит, прибывшие с ним из Царьграда Евлад и Бер лишились братьев... А Турило, Ашвид, Берняк... Парни – Ольтур, Лис, Кислый, Болва, Регни, Ловец... Его наставники и приятели, те, с кем он всю жизнь с семилетнего возраста сидел за одним столом в отцовской гриднице – сперва здесь, потом в Свинельдовом городке. И они... предатели? Убийцы? Их руками едва не была погублена Ута с детьми, а потом и сам Ингвар отправлен в Валгаллу... Это не укладывалось в голове.

---

¹ Подробно об этом в романе «Ольга, княгиня русской дружины». (Здесь и далее – примечания автора.)

Зато было понятно, почему на него так все смотрят. Свенельд погиб на охоте, ни в чем не изменив господину. Но дружина его предала русь и тем заставила русов в его сыновьях видеть почти тех же предателей.

– Мы со Свенельдичем хоронили их, – Ута называла мужа по отчеству. – Нас Маломир привез в Искоростень и за Свенельдичем послал. Вот, сказал, Ингвар твоих чад захватил и хотел в Киев увезти, а я отбил и тебе вручаю... Как он не зарубил его на месте... только из-за нас. А вернуться мы не могли. Не знали, что нас в Киеве ждет, а тут весть пришла – Эльга сама едет. Тогда мы поехали к ней навстречу. С древлянами вместе. И потом... вместе с ней в Киев ускакали. А там, на могиле, никого живого не осталось... Предслава только. Как у меня о ней теперь сердце болит... Эльга... с нами опять дружна и от наветов защищает. Но люди косятся на нас. Ты ведь заметил уже?

Лют кивнул. Он думал, что потерял отца и князя... а оказалось еще хуже – под угрозой была родовая честь.

* * *

Мистина приехал домой только ночью. Вместо троих-четверых телохранителей, как обычно, сейчас при нем был полный десяток, и это лучше всяких слов сказало Люту, как нехороши их дела. Он встречал брата у дверей избы, во дворе; сойдя с коня, Мистина обнял его, но как-то отстраненно. Лицо его, обычно бодрое, сейчас выражало смертельную усталость, черты казались огрубевшими, веки опухли, как будто он очень мало спал.

Старшего и младшего Свенельдова сына разделяло семнадцать лет. Старший был заметно выше ростом (Лют горячо надеялся, что еще подрастет в ближайшие годы), но черты лица были почти те же: острые скулы, глубоко посаженные глаза. У Мистины от давнего перелома носа осталась горбинка, а Лют унаследовал от Свенельда глаза цвета ореха, которые при разном освещении меняли оттенок – от серо-зеленого до светло-карего. Красивые светло-русые волосы Мистина зачесывал назад и связывал в длинный, до лопаток, хвост. Люту, как человеку более низкого положения, эта красота не полагалась, и остриженные по греческому обычаю волосы спереди закрывали половину лба, а по сторонам он заправлял их за уши – отросли за время долгой обратной дороги. После лета под жарким солнцем Греческого царства его светлая кожа приобрела буроватый оттенок – обычное следствие первоначальной красноты, и выгоревшие волосы казались еще светлее. Черты младшего брата еще дышали юностью: нечто детское сохранилось в очертании свежих ярких губ, в пушистых прямых бровях, в чисто выбритых щеках с ямочкой справа – он уже брился, но права носить бороду, как парень неженатый, еще не имел. Однако в твердых очертаниях челюсти, в крепкой шее и покатых мускулистых плечах уже сказывалась заложенная в него мощь, которая будет крепнуть с каждым годом. В этих юных чертах заметнее было выражение горестной растерянности, будто чувству еще негде было там скрыться, спрятаться. Правильные черты старшего брата к тридцати четырем годам огрубели, на высоком открытом лбу виднелись тонкие продольные морщины, в очертаниях губ, таких же ярких, появилась жесткость, и напряжение всех бед придавало ему выражение лишь утомления и замкнутости. Братья казались разными и в то же время очень близкими, как один и тот же человек на разных ступенях своей жизни. У старшего уже многое было позади, и место свое в жизни он давно нашел. Он хорошо знал, чего хочет, его понимание своего пути уже прошло через суровые испытания, но зато он был за этот путь спокоен. А судьба младшего еще таилась в темном источнике норн.

До этого дня сводные братья не знали друг друга близко. Старший был уже взрослым мужчиной и воеводой, когда младший еще бегал в рубашонке и рубил бурьян деревянным мечом. Подрастал Лют в земле Деревской, и в последние восемь лет они виделись то здесь то там, по три-четыре раза в год. Теперь, когда не стало Свенельда, главы рода, они вдруг оказа-

лись наедине и взглянули друг на друга новыми глазами. Каждый будто задавался вопросом: да что он за человек-то, мой единственный брат?

От этого Лют не знал, что сказать. Оба они понесли большую потерю, но не причитать же, как бабы? Ой, дескать, горе-то какое, ну кто бы подумать мог...

– Ни с кем в городе не поцапался? – почти сразу спросил Мистина.

– Нет.

– Я Альва послал к тебе, чтобы видели: ты мой брат, и кто тебя тронет, со мной переведается.

– Так все плохо? – вырвалось у Люта.

– Пока Эльга за нас – не так чтобы очень плохо. Я сам отомстил за Ингвара, на моем ноже, – Мистина коснулся белой рукояти скрама на поясе, – была Маломирова кровь. Я ее привез – от сорочки кусок отрезал и вытер – и в гриднице боярам и старцам показал. Тебе покажу, но после – Эльга лоскут у себя заперла. Она верит мне... говорит, что верит...

Он закрыл глаза и замолчал, но видно было, как глазные яблоки тревожно перекачиваются под опущенными веками. Маломирова кровь – еще не все. Еще до того скрам Мистины окрасился собственной его кровью. Это была цена возвращения доверия Эльги. Он отдал во власть княгини свою жизнь, но об этом знали только они двое. Гибель Ингвара нанесла ужасный удар державе русов, но если бы она разрушила доверие между его женой и его воеводой, это дерево не устояло бы. Вдвоем они дали первый ответ беде, одержали первую победу и тем проложили себе дорогу к дальнейшей борьбе. Но сколько еще всего оставалось впереди...

– Ты же был при погребении отца? – тихо спросил Лют.

– Да. – Мистина кивнул. – И Ингвара тоже. Для него и гридей выложили общую краду. Древляне не хотели делать ему русскую могилу, да и что я мог дать ему с собой? При них были только походные пожитки. Даже меч Ингваров не нашли.

– Как так?

– Его добивали в реке. Она видела, – Мистина прикусил губу и оглянулся на дверь, куда вышла Ута, оставляя братьев наедине. – Он отступал в реку и получил сразу две смертельные раны уже по пояс в воде. Он упал назад, и меч выпал в воду. Эти псы спешили его добить, не догадались поискать меч, а его же сразу унесло. Но оно и к лучшему. Они не отдали нам оружие, то, что потом собрали. Сказали, что это их добыча и они ее богам поднесут. Не знаю, как бы я спал, если бы тот стервец Гвездобор, или Маломир, или Сакс получил Волчий Зуб и ходил хвастался.

Мистина невольно прижал ладонь ко лбу, заслоняясь от такого позора.

– Пусть лучше в реке лежит...

– Так все это затеял Сакс?

Старший отцов оружник, правая рука Свенельда... Опытный толковый человек, сильный воин, Сигге был опорой дружины и своим влиянием на нее уступал лишь самому вождю.

– И его приятели, «старики», – кивнул Мистина. – Эллиди, Ашвид. Они всем заправляли и соблазнили всю дружину. Пойми, – легко угадывая смятение брата, Мистина шагнул ближе и положил руку ему на плечо, – отец никогда бы такого не позволил. Отец был верен Ингвару, как своей чести. Ты был еще мал, в годы между первым и вторым походами на греков... Тогда здесь тоже было все непросто... Ингвар ушел в дань, а зимой Грознята черниговский и Хельги Красный предлагали мне не пускать его назад, взять Эльгу в жены и самому сесть на киевский стол.

– Что-о? – впервые об этом слыша, Лют вскинул голову и вытаращил глаза.

Он знал, что род отца очень хорош и по женской ветви связан родством со Сктьельдунгами. А матерью Мистины к тому же была дочь князя ободритов, так что старший сын Свенельда унаследовал королевскую кровь от обоих родителей. Но представить его на киевском

столе, мужем княгини... Почти как если бы ему предложили один из двенадцати престолов в Асгарде.

– И поначалу это могло бы получиться. Но отец показал мне плеть, – Мистина взглянул на ларь у двери, где лежала его плеть, в ту же памятную зиму подаренная ему Свенельдом. – И я понял, что он не советует мне этого делать, – Мистина улыбнулся, думая о том, чего не мог рассказать Люту. – И как день ясен, он был прав. Понимаешь? Отец не хотел даже киевского стола для меня, потому что это была бы измена. Лишнее честолюбие губит. И он вовсе не желал делать Деревя своим наследственным владением и отнимать у киевских князей, после того как сам захватил для них эту землю. Те люди, что пошли против Ингвара, предали и своего покойного вождя тоже.

Лют молчал. Тяжко было думать о предательстве тех, с кем он вырос, но теперь хотя бы становилось ясно, на чьей стороне он сам. На той, где отец.

– Что теперь? – наконец спросил он.

– Мы скоро пойдем туда, – как о вполне обычном деле ответил Мистина. – За моего побратима Ингвара я отомстил. За Ингвара – князя русского – мстить будем мы все. Весь род русский. А что касается нас, тебя и меня... нам придется не быть раззявами в этом походе, чтобы ни одна сорока не смела даже мысленно обвинять нас в предательстве. Понимаешь? – Мистина наклонился ближе к брату и взглянул ему в глаза, карие при свете масляного светильника на столе. – Сейчас, когда мы с Эльгой уже развернули удачу лицом к себе, найдется немало отважных витязей, желающих стяжать себе славу на деревской крови. Но мы с тобой должны быть на острие этого меча. Обязаны – перед собой, перед памятью отца, перед честью наших предков Скьельдунгов.

И даже в этот тяжелый час Лют воспрянул духом от этих слов. Его знатный брат, сын ободритской княжны, сказал «мы» о нем и о себе, как о равных, признал и его, сына челядинки, таким же потомком старинного рода датских конунгов.

– Мы должны быть впереди всех. Пусть даже умереть – но не отстать и никого не пропустить вперед. Теперь нас лишь двое, мужчин нашего рода, ты и я. И если к тому дню, когда последние уцелевшие древляне будут брошены к ногам Эльги и Святослава, мы оба будем живы – с меня приличный меч.

Лют не сдержал улыбки – в первый раз с того часа, когда шел за Бернишей к Тормару, чтобы узнать все эти новости. Приличным мечом в семье назывался рейнский клинок, так называемый «корляг» с клеймом и золоченым набором – какой был у Свенельда и какой сейчас лежал на скамье, снятый Мистиной вместе с плечевым ремнем. Для Люта получить такой было бы почти то же, что сесть в круг двенадцати богов на небесных престолах.

Но дело-то не в этом. Лют опустил голову, с трудом подбирая слова для того, что переполняло грудь.

– Каково бы ни было мое оружие... – выдохнул он, – пусть оно убьет меня, если я не докажу... что я сын своего отца...

По жестким чертам Мистины вдруг расплылась улыбка, и от нее это усталое лицо стало ясным и красивым, будто солнце. А в глазах его мелькнуло некое чувство, какого Лют не привык там видеть. Добрая усмешка... радость... даже любовь. Но Мистина тут же прикрыл глаза, будто желал спрятать от него их влажный блеск, и опустил голову.

* * *

Это был самый жуткий день за всю Берестову восемнадцатилетнюю жизнь. Сначала он под руку вел – скорее волок – княгиню до веси. Она едва переставляла ноги. У избы он посадил ее на завалинку, ушел в огород и там снял изгаженные порты. Обтерся жухлыми лопухами и в одной рубахе пошел в избу – звать своих. Долго втолковывал заспанному отцу и матери: русы

всех убили. Нет, не пьяные лежат. Мертвые. Он хорошо посмотрел. Зарубленные. Да, все – и бояре, и отроки их. Одна княгиня уцелела, вроде ранена, пусть мать ее осмотрит. Русов никого там нет. Ни одного человека. И лошадей их нет.

Надев чистые порты, пошел по соседям. Малина – весь большая, двадцать шесть дворов. Здесь, при Малиной горе, стояло самое старое святилище на Тетереве и притоках, самое сердце племени маличей. В ней жил сперва один род, потом к нему подселились соседи, потом все опять перероднились между собой, и сейчас малинцы, хотя делились на три рода – Сушиновичи, Новаки и Радятчи, – невест друг у друга не брали и девок отдавали только на сторону. Здесь, при святилище, исконно жил глава маличей, старший над всеми родами по Ирше и Тетереву. Раньше он именовался князем, но, когда лет полтора ста назад маличи перешли под руку древлянского князя с берегов Ужа, стал боярином.

На Гвездоборов двор Берест отправился первым делом. Застал здесь только боярыню и челядь: оба Гвездоборова сына, Стан и Гостята, пировали с отцом на могиле... Он так и не смог сказать женщине, что она потеряла разом мужа и обоих сыновей.

– Идите на могилу русскую, – только и сказал Берест. – Людей возьми. Худо там...

И ушел, оставив ее думать, что боярин так упился вчера, что теперь от похмелья не в силах поднять головы.

В недолгом времени над Малином поднялся истошный плач. Из своих было зарублено восемь человек – все старшие, главы семей, приняли кровавое питье Маренино. Да еще с два десятка малинских бояр, приехавших из соседних волостей, с их отроками. Старшими над маличами внезапно оказались Коняй – отец Береста, и дядька Мезенец. Им пришлось распорядиться всем делом: поднять мертвецов, устроить толком... Уложить их пристойно, на спину, сложить руки стоило большого труда – тела крепких мужчин, потерявшие много крови, быстро окоченели. Кое-кому пришлось заправлять в брюхо выпущенные кишки. Для иных пришлось искать отрубленные кисти – видать, люди в последний миг жизни безотчетно пытались защитить голову. Берест сомневался, все ли руки разложили по принадлежности, но молчал. Он свое уже отбоялся: работал молча, стиснув зубы, когда другие отроки и даже мужики вокруг него то и дело отбегали в сторону – кого тошнило, кого слабило от ужаса и вони... Кто-то вдруг принимался судорожно хохотать, до икоты, и таких Коняй успокаивал оплеухой. У иных, когда поднимали родного отца или деда, слезы капали на руки. Женки причитали непрерывно. Детей всех заперли в избах.

Но вот собрали, уложили, прикрыли тела чем нашли – вотоломи, шкурами, даже мешками. Парни стояли, разведя в стороны воняющие руки, и ошалело глядели друг на друга.

– Портище теперь сжечь только, – прохрипел Мезенец.

Выпачканные запекшейся кровью и разной гадостью из разрубленных внутренностей трупов, сорочки и порты больше никуда не годились. Пятен этих никакой золой не вывести, а тени ужаса смертного – и подавно.

– Как же мы их всех... на крады класть будем? – спросил Комель, братанич Мезенца, в изумлении разглядывая длинные ряды вытянутых на траве тел. – Дров не напасешься...

– Не сами же мы! – Коняй сбросил наземь испачканную рукавицу и дрожащей рукой вытер лоб. – Люди-то не наши. Надо в Искоростень к князю посылать. И княгиню везти. Пусть свои за ними приезжают.

Лошадей, на которых прибыли старейшины, русы угнали с собой, и оказалось, что ехать можно только на тех трех, что имелись у Гвездобора. Туда, к загородке, где ночевал малинский скот, русы не сунулись. А ведь могли бы и избы подпалить, с запоздалым страхом думал Берест. Дождя давно не было, из-за чего озимые не сеяны, кровли сухие...

– Ты и поезжай, – велел ему отец. – Верхом же умеешь, не зря учился.

– Да куда мне... – Берест опешил, – отроку да к самому князю...

– Мне здесь надо быть. Женки нипочем не хотят при мертвецах без мужиков оставаться.

И так уже две старые бабки сновали вокруг луговины: одна держала совок с горящими углями и пахучими травами, а другая щедро сыпала маковое семя – это средство мешает мертвецам вставать.

После первой растерянности Берест даже обрадовался: убраться бы подальше от этого мертвого воинства. Маренина рать за этот жуткий день ему опостылела так, что хоть падай. Стоило закрыть глаза – и перед глазами вставали эти лица, эти руки, кровь на полотне... Вонь так прочно впуталась в волосы и забила в нос, что и спешная баня не помогла.

– Как я спать-то буду? – буркнул он сестре, Мотылице, вытирая мокрую голову.

– Я весь год теперь не буду спать! – отчеканила та, тараща глаза, и выразительно застучала зубами.

Мотылице было пятнадцать – в самой поре девка. На той же Мокошиной неделе ее сговорили вести замуж – в Доброгощу, за Зеленцова сына Радко. Но при мысли о свадьбе Берест содрогнулся. Князь Маломир тоже про свадьбу думал... с Ольгой киевской... а теперь лежит с глубокой смертельной раной в груди. Он умер мгновенно, как сказал дядька Мезенец, даже, наверное, не понял, что умирает. Удар был нанесен очень опытной твердой рукой. От подола его сорочки оказался отрезан лоскут – видать, убийца оружие вытирал.

Назавтра отправились втроем: стрый Стеблина, отцов младший брат, Берест и княгиня. Та, к удивлению малинцев, оказалась даже не ранена. Вся ее одежда была испачкана лишь чужой кровью. Мать дала ей во что переодеться, и теперь та ехала в простом повое, в материнной нарядной плахте и белой свитке, что осталась от помершей снохи. Предслава по-прежнему была бледна и молчала, иногда прикусывала губы. Только иногда начинала дрожать, но не подавала голоса. Судя по глазам, была не совсем в себе, и Берест старался не смотреть ей в лицо, но был рад, что она хотя бы молчит. Лучше не спрашивать и не знать, что с ней там сотворили и почему она, жена Володислава, осталась жива единственной из полусотни. Почему русы не убили ее, не полонили, не увезли с собой. Пусть Володислав сам спрашивает...

* * *

От Малина до Искоростеня – сорок поприщ. На хороших конях верхом этот путь одолевают за день с небольшим, и на место малинцы прибыли назавтра к полудню. Когда впереди показался городец на вершине буровато-желтой, с красным отливом гранитной кручи близ Ужа, княгиня чуть ли не впервые подала голос.

– Я сама все расскажу мужу моему и людям, – сказала она. – Вы только подтвердите.

Берест вздрогнул, переглянулся со Стеблиной. Тот сделал знак бровями: оно и к лучшему. Оба они не представляли, как сообщать князю такие вести.

Пока они проезжали предградья, мало кто оглядывался на двоих незнакомых отроков и женку: княгиню не признали в простом платье и глядели по большей части на коней. Вот Гвездоборовых коней, судя по окликам, кое-кто признал. Проехали через мост над ручьем и ворота вала с частоколом поверху, между избами городца к княжьему двору. И лишь тут какая-то баба вдруг ахнула:

– Княгиня-матушка! Да что с тобой случилось?

Берест даже улыбнулся невольно: баба заметила, что княгиня потеряла свое платье. Если бы это были все потери земли Деревской!

– Позовите князя сюда, – не сходя с седла, распорядилась Предслава. – Пусть выйдет ко мне. И созывайте всех мужей немедленно. Важную весть я принесла вам.

На площадь в середине городца торопливо вышел Володислав. Берест знал в лицо младшего из двух князей-соправителей, но так близко видел его в первый раз. Володислав был старше его лет на пять, не больше; ниже среднего роста, довольно шуплого сложения, тот издали в глаза не бросался. Черты у него были довольно приятные, лишь высокий выпук-

лый лоб словно нависал над лицом; темные брови с надломом у внешнего конца напоминали плавный и грозный очерк распахнутых в полете крыльев черного коршуна. Взгляд серых глаз, устремленный на княгиню, сразу выдал тревогу.

– Что на тебе за платье? – спросил он жену, сам сняв ее с коня. – Где стрый Малко?

Предслава мягко отстранила его и выпрямилась, сцепив опущенные руки.

– Черную весть я принесла тебе, Володиславе. Тебе и всей земле Деревской.

– Что такое? – Володислав нахмурился. – Не приехала Ольга? Обманула?

– Свенельдич утек, да? – выкрикнул кто-то из мужчин в толпе.

– А я говорил: нечего было отпускать его с женкой и чадами! Сидели бы здесь!

Даже ожидая подвоха, в Искоростене и подумать не могли о том ужасе, какой случился на самом деле.

– Уже успела, видать, Ольга другого мужа сыскать себе! – пошутил кто-то. – Царя греческого!

Предслава даже не глянула на говоривших. Одета простой женкой, она вдруг обрела величавость, какой Берест в ней прежде не видел. Обвитое льняным убрисом лицо было бледно, черты заострились, а голубые глаза из-под светлых, золотистых бровей смотрели из такой глубины, будто душа ее пребывала в Нави. Она видела только своего мужа, и Берест подумал вдруг: она не то хочет ему сказать, что сказали бы они со Стеблиной. Что-то иное, свое, только им, князьям, понятное.

– Стрый твой Маломир убит. И все старейшины деревские, что были с ним на могиле Ингоревои, убиты. Эльга отомстила за мужа своего и убийц Ингоревых отправила за ним следом. Беда горькая пришла к тебе, земля Деревская, и еще худшие беды идут вслед за нею.

Предслава развязала седельную сумку, достала какое-то белое тряпье, развернула. Это оказалась ее одежда – шелковый убрис, кафтан из тонкой шерсти. Все было забрызгано ржаво-красными пятнами засохшей крови.

– Вот кровь старейшин деревских, на той страве пролитая.

На княжьем дворе стояла тишина: люди со всего Искоростеня слушали княгиню и не верили ушам. А Предслава – бледная, спокойная и ужасная в этом спокойствии – была как сама Карна, посланница Марены, возвещающая смертным их горькую участь.

– Еще есть время, – продолжала она, не сводя глаз с Володислава и будто пригвождая его взглядом к месту. – Сейчас долги уплачены сполна. За Ингореву голову взята русами Маломирова голова, за гридей Ингоревых – деревские нарочитые мужи. Если предложишь Эльге сейчас мир – она примет. Но если промедлишь... это, – она показала на свой кафтан, повешенный на седло, – будет лишь первая кровь деревская...

– Мир? – тихим и страшным голосом повторил Володислав, будто не понял ее. – Мир предложить? Этой суке... стерве... мой стрый... он мертв? Ты сама видела его мертвым?

Предслава молча повела рукой в сторону Стеблины и Береста, предлагая им вступить. Стеблина сглотнул и с чувством обреченности шагнул вперед. Поклонился, будто пытаясь своей почтительностью смягчить страшную весть.

– Истинно, княже. Верно все княгиня сказала... про Маломира и бояр. Все мертвы лежат... Изрублены на страве... на могиле прямо... мы поутру нашли их. Думали, что-то долго не идут... запиновались... а пошли – там живого нет. Безоружных, пьяных, иных даже спящих... порубили, покололи...

В толпе закричали бабы. В Искоростене и поблизости жило еще несколько бояр – Обренко, Турогость, Найден, Пятунко. Их семьи осиротели, и за эти мгновения, пока Берест говорил, ужасная правда дошла до сердец.

– И наш тоже? – бабы одна за другой с выпученными глазами проталкивались ближе к нему. – И Любовед мой?

– И Турыга?

– Не может быть!

– Брешут они!

– Послушай меня, земля Деревская! – перекрывая шум, княгиня сделала шаг к толпе, протягивая к людям сжатые руки; Берест видел, что они дрожат. – Еще есть время! Просите у Киева мира! Сейчас! Иначе к весне запустеешь ты, земля Деревская! Эльга исполнила месть свою – она примет мир! Не дайте руси времени поднять на вас меч! Еще не поздно!

Она кричала, понимая, что на вече ей говорить не дадут. Володислав схватил ее за руки и грубо потащил к жилой избе. У навеса стояли, держась за няньку, двое княжеских детей: мальчик лет шести и девочка чуть моложе. Теперь они с плачем потянулись к матери, Предслава пыталась подойти к ним, а муж толкал ее в избу, торопясь скорее убрать от глаз толпы. Над площадкой в окружении дворов взвился шум, крик, бабий вопль и плач.

Назавтра Стеблина и Берест отправились домой, с обратным поручением: Володислав, ныне единственный великий князь древлян, приказал старейшинам всех двенадцати колен деревских собраться к Искоростеню на вече немедленно, не дожидаясь первого снега. Княгини они больше не видели, но ее бледное, полное отчаянного прозрения лицо, ее срывающийся голос преследовали их днем и ночью. Даже мертвецов заслонили.

Вместе с ними из Искоростеня и окрестностей снаряжился целый обоз из десятка волокуш – забирать тела для погребения...

* * *

Несколько дней в Малин тянулись волокуши: собранные Маломиром старейшины с Ужа, Тетерева, Нoryни, Уборти отправлялись по родовым жальникам. Приехавшие за ними еще порой спорили: где чья шапка и где чей нож. За отрубленные кисти, слава чурам, споров не велось. А когда ушли наконец последние, Коняй и Мезенец собрались в Искоростень сами: на княжеское вече.

Вернулись мрачные. Вече в этот раз напоминало большие поминки. «А се покон восьмой: по мертвым печаловаться и сряду горевую носить до седьмого колена», – отвечает каждый семилетний отроча, доказывая свое право выйти из детищ. Все мужи передние явились в белом печальном платье. Не нашлось никого, кто не был бы связан с кем-то из погибших той или иной степенью родства, да и едва ли могло найтись: для единой земли Деревской один обычай – се покон первый. Случане, своих людей не потерявшие, обрядились «в печаль» из уважения к памяти Маломира. Теперь княгиня Предслава не выделялась белизной одежд: вся земля Деревская разделила с ней потери. В длинных обчинах святилища на Святой горе близ Искоростеня несколько дней шли поминальные стравы, княгиня сама разносила блины, кашу и мед. На краду с Маломиром возложили шлем, меч и топор, доставшиеся ему как добыча после битвы на Тетерева. Шлем был Ингорев, прочее каких-то его гридей – собственный меч киевского князя утонул в реке. И Гвездана, старая Маломирова жена, сама пожелала быть удушенной и лечь с ним на огненную постель. «А се покон десятый – честна жена, что за мужем в Закрадь своей волей идет». Верность мужу и древним обычаям делали Гвездане честь, но всеобщая мрачность от этого лишь возросла.

Вече собралось на площадке святилища над Ужом. Принесли жертвы богам, прося защиты и наставления. Удивительно, пугающе смотрелись возглавляемые Володиславом молодые мужчины-жрецы: те, кто стоял здесь перед идолами еще в недавние дни, теперь сами вошли в Сварожий Вырей.

На лицах отражалась тревога. Слишком резко судьба выдернула многих из уютной тени отцовской мудрости, не дала времени подготовиться к этой ноше. И ладно бы кто-то один, но ведь сразу десятки новых бояр озирались в надежде на совет и видели вокруг такие же растерянные лица. А испытания им предстояли непростые.

Лишь Володислав был разгневан, но не растерян. Он с малолетства носил звание князя деревского и привык, что решать дела о войне и мире придется ему. Не вняв мольбам жены, он не намеревался просить у Киева мира. Он призвал древлян собрать ополчение и сделать набег на полянские селения вдоль Рупины или Днепра – отомстить за убитых бояр. «А се покон пятый: мстит родич за родича до седьмого колена». Иные родичи погибших его поддержали, но многие были против – особенно случане.

– А вы нас-то спросили, посоветовались, прежде чем Ингоря бить? – с негодованием спрашивал князь случан, Будерад. Это был еще не старый, лет тридцати с небольшим, рослый мужчина, плечистый, с полным красным лицом, окруженным рыжей бородкой; привлекали внимание его блестящие темно-золотые, будто мед, волосы, остриженные в кружок, но довольно длинно. За эти волосы его прозвали Медовая Голова. – Девятый покон: дела войны и мира, до всех древлян касающиеся, решаются общим голосом на вече. Забыли дедову науку? Нарушили покон, вот и втравили всю землю Деревскую в новую войну! Навлечете гибель напрасную! Жена у тебя, Володиша, поумнее тебя – просить бы тебе мира у Ольги со Свято-славом!

– Уж теперь упились они кровью, не захотят больше! – поддержали его свои старейшины.

– Чтоб им захлебнуться ею!

– И так вон вся земля печальными рубашками покрылась, будто снегом! Дождетесь, все в могилы поляжем! Не останется от нас, как от обрвов, ни племени, ни наследка!

– Кто с позором жить готов, тому лучше не жить и вовсе! – горячо отвечал им молодой князь. – Пусть лучше я в землю лягу и род мой сгинет, чем под русью буду дальше жить! Пусть лучше сын мой дитятей умрет, чем будет русским холопом век тянуть!

– Мы уж видели, как русь просьбы о мире встречает! – с ним рядом встал Коловей, сын боярина Любоведа.

Это был крепкий, чуть выше среднего роста, плечистый молодец, не особо красивый, но приятный лицом, с темно-русыми кудрями над широким лбом. Ему было лет двадцать пять, и он остался главой своего весьма обширного рода – Любоведичи насчитывали более сотни семей, а на Ингорева могила остались, кроме самого Любоведа, еще пятеро их старейшин.

– Маломир Ольге мир сулил, брак и любовь – она его острыми мечами в сыру-землю-мать уложила, вместо пива свадебного кровавым питьем напоила! Ума лишиться надо, чтобы у этих зверей мира искать и хоть одному слову их верить! Да скажи они, что огонь горяч, а трава зелена – я и в том нынче не поверю русам! Они к нам с мечами пришли – мы к ним с топорами пойдем! Пусть меня гром разобьет на этом месте – не знать мне покоя, пока за отца не отомщу!

Увлеченное его горячностью, в итоге вече согласилось, что собирать ополчение придется – поневоле, ибо в миролюбие русов никто не верил. Но когда собирать? Сколько отроков высылать? Где им быть – в Искоростене? Или ждать на порубежных реках? И сколько ждать? С какого срока? Внезапно получившие право голоса говорили каждый свое, но принять общее ясное решение оказалось так же трудно, как возвести дом из сухого песка.

Порыв Володислава сделать набег на полянские селения вече не поддержало. Когда людей уже не держали ноги, а многие сорвали голос, сошлись на самом простом решении: когда князь получит весть, что русское войско близко, он разошлет гонцов, и ратники от каждого рода соберутся к Искоростеню для решительной битвы. Володислав, Коловей и их сторонники убедили людей, что Ольга одолела бояр лишь подлостью, а в открытом поле обезглавленная, потевшая князь русь не добьется успеха.

– Будем сами себе господами, Перуном клянусь! – Володислав простер руки к идолу, ради этого дня одетому в сорочку и красную шапку, будто живое существо. – Здесь наша земля, здесь могилы дедовы, и не будет у земли Деревской иных владык, кроме нас! Будут боги с нами, обречем волю, войдем в былую силу, и сами еще полян оттесним назад за Днепр, откуда Кий их привел! Пусть к хазарам своим идут жить, а весь правый берег наш будет!

Он ошибался. Он не понимал, что связи и выгоды киевских владык уже проросли землю Деревскую насквозь, опутали сами дедовы могилы, протянулись до крайних западных пределов света белого и что вырвать их ему уже не под силу. На их месте вырастут новые, и жить сам по себе, как поколения назад, никакой род славянский более не может.

Собрать воев можно было только после первого снега, и то ненадолго. Русские князья держали постоянную дружину – восемь сотен отроков, с конями и оружием, оплачивая все это из собираемой дани, а зимой уводя кормиться на покоренные земли. Те же князья, что сами платили им дань, у себя оружников держать не могли: вместо этого им приходилось кормить оружников киевских. В случае надобности приходилось собирать ополчение, и то из десяти дворов приходил один ратник. Из оружия у него имелись лук, рогатина и рабочий топор, пере-саженный на более длинную, в два локтя, рукоять и тем превращенный в боевой. Щитами князь мог снабдить только первый ряд, шлем и кольчугу имел разве что он сам. Но пока все шло мирно, собственная военная сила малым князьям и не требовалась: русь защищала их от чужих, а родовая знать могла участвовать в их набегах на еще не покоренные земли и тем приобретать добычу и славу. Однако если малый князь ссорился с русью, то надежд одержать верх в ратном поле было у него не много.

Нынче осенью, казалось, боги подарили древлянам удачный случай. Ингорь был застигнут с малой дружиной и погиб, и мнилось, что обезглавленная русь будет покорна. Кто мог тогда противостоять им, Володиславу и Маломиру, двоим сильным мужам во главе многолюдного племени – овдовевшая женщина? Отрок двенадцати лет? Мистина, правая рука Ингоря, тогда находился со своей семьей здесь, в их власти – так им казалось. Но все расчеты обманули: Мистина вывернулся из рук, а жена в белых печальных одеждах нанесла смертельный удар могучему мужу. Когда будет нанесен следующий?

Ожидание беды нависло над землей Деревской, как черная градовая туча, бросало тень уныния на каждую душу. И все же, когда пали первые струи кровавого дождя, это оказалось полной неожиданностью...

* * *

Под вечер зарядил несильный, но упорный дождь; весь лес наполнился влагой, толстые суконные плащи отяжелели от воды. Копыта коней мягко стучали по грудам влажной листвы и хвои. Однако, встав на ночлег, огня не зажигали. Можно было найти в лесу овраг поглубже, развести костер на дне и прикрыть со всех сторон щитами, чтобы ниоткуда даже зоркий глаз не различил света. Но дым в огнивицу не спрячешь, а быть обнаруженным раньше времени Лют никак не хотел. В мирный год, может, и не каждый пойдет любопытствовать, что за неведомые люди жгут костер в овраге, но сейчас древляне должны каждого куста бояться.

– У нас многие считали, что ваш отец хочет сделать Деревы своим наследственным владением, – шепотом продолжал начатую в дороге беседу своей, Адальстейн. К Мистине он перешел из гридей Ингоря после гибели вождя, не желая дожидаться, пока приедет новый, юный господин. – Свенельдовы люди жили богато: им и одежды греческие, и мечи рейнские, все им, и где у нас дань делится на восемь сотен, у них – всего человек на двести.

– Но отец сам был не княжеского рода, – объяснял Лют, тоже на северном языке. – Он родился в Ладогe...

– Альдейгья, я знаю, мы же ее проезжали. Но ведь о многих людях рассказывают, что они нашли себе свое королевство где-то очень далеко от дома...

– Мой отец нашел себе королевство – это Русская земля. Он не раз говорил мне об этом, еще пока я был ребенком. Он хотел, чтобы я это понимал. Он говорил мне: с единым войском всей Русской земли я дойду куда дальше, чем со своей дружиной, и моя воеводская доля дани будет больше, чем доля любого мелкого конунга. Старайся сделать большой свою державу и

возрастешь вместе с ней. А если рвать ее на клочки, как плащ, – все останутся с негодными клочками, которыми даже срам не прикрыть.

– Многие люди с ним бы не согласились! – хмыкнул Олстен Гусляр. – Быть князем – это честь, желанная многими!

– Быть самой большой лягушкой в своем болоте, – насмешливо поправил Лют. – Так Мистина говорит.

– А ты сам как думаешь? Ведь ты мог остаться наследником конунга, а не воеводы.

– Я... – Лют слегка поджал губы. – Я мало что знаю пока... но я верю отцу. Я знаю, на чью сторону встал бы он.

Он не привык к вопросам, что думает он сам. Люту рано было рассуждать, чьим наследником он хотел бы остаться: месяца два-три назад он был сыном челядинки, несвободным человеком без права на наследство. Судьба наградила его свободой, старший брат признал членом рода – ко всему этому Лют еще не привык и не пытался сам решать, что хорошо для семьи в целом. Слава богам, для этого есть Мистина – человек очень умный и опытный.

Для налета Мистина дал брату два десятка своей собственной дружины. Десятские его, Доброш и Турбен, были людьми бывалыми, но и Люту уже хватало навыка, чтобы со всех сторон оврага расставить спрятанных дозорных. Между селениями полян на Рупине и началом земли Деревской за Здвижем, ближе к Тетереву, на целый переход простирались заболоченные, пустынные леса; здесь никто не жил постоянно, и лишь охотничьи ватаги с той и другой стороны приходили сюда на зимний промысел. Однако по пути через Здвижанский лес Лют был настороже. Всю дорогу от Воловичей – крайнего полянского селения – он ожидал, что на дороге впереди обнаружится засека, а возле нее почти непременно будет засада. Перед бродами на Здвиже и Тетереве высылали вперед дозор – проверить безопасность переправы, где отряд будет уязвим. Но дорога оказалась свободна. Это настораживало, но не поворачивать же назад оттого, что все идет хорошо?

Целью его был Малин – святилище на горе и те дары, что древляне принесли богам после избиения Ингвара и его гридей. Дорогу туда Лют хорошо знал: всякий год ездил с отцом от Ужа в Киев по сухому пути, здесь всего-то пять дний. А всякую зиму, когда Свенельд отправлялся через землю Деревскую по дань, Лют вместе с его дружиной пробирался вверх по Тетереву, и этот путь тоже пролегал неподалеку от Малинской волости. Не раз он встречался с сыновьями Гвездобора малинского, Гостятой и Станом. Старший давно имел свое семейство, а младший был лишь на год старше Люта, и они не однажды развлекались вместе: ездили на лов, играли в кости, скакали верхом наперегонки. Однажды Лют даже взялся учить Станко играть в тавлеи, но приковыляла Гостятина трехлетняя девчонка, польстилась на красивые фишки желтого и красного стекла, утащила их с доски и ударилась в рев, когда пытались отнять... Лют улыбнулся правой стороной рта, вспомнив об этом, потом прикусил губу.

Все трое уже мертвы – и Гвездобор, и оба его сына. Но Лют с негодованием на самого себя гнал из сердца сожаление. Этим летом, уже после смерти Свенельда, Гвездобор похитил Уту, сестру Соколину и четверых детей Мистины. Его люди увезли их в болотную глушь, и среди провожатых был Гостята. Засунули женщину, двух девок и троих мальцов в самые топи, где они и так чуть не померли, а их еще грозили убить! Думая об этом, Лют стискивал зубы и раздувал ноздри от негодования. В Киеве Соколина живо ему расписала, как им жилось на том чертовом Игровце!

В ожидании зимнего похода Лют по утрам упражнялся с братовыми телохранителями и оружниками. Почти каждый день с ними какое-то время проводил и сам Мистина, и Лют из кожи вон лез, чтобы показать, что в строю от него будет толк. Несколько раз Мистина брал его с собой в разъезды по полянским городкам: он встречался со старейшинами, предлагая им идти в поход на древлян. Поляне откликались охотно. Племя их происходило от того же, что древляне, дулебского корня, но с тех пор как лет двести назад в Киеве был заключен союз

троих князей-побратимов и главенствующее положение занял Кий, выходец из северских антов с левого берега Днепра, его подданные-кияне уже не считали себя едиными с прочими потомками дулебов. По Рупине Мистина сразу, как только они с Эльгой вернулись с Ингваровой могилы, расставил дозорных, разослав оружников вышгородских сотен во все селения.

– Знать бы, что там у них, у древлян? – часто задавался вопросом Лют. – Володислав вече созвал, это уж верно. Чтобы он смирился – не поверю, наверняка воевать затеет. Но сейчас он войска не соберет – веснякам работать надо. До зимы, значит, будут ждать.

– Как и мы.

В Киеве имелаась большая княжеская дружина, что вместе с боярским ополчением составило бы тысячу человек. Но нельзя было начинать поход, пока в Киев не придет Святослав. Тринадцатилетний сын Ингвара уже второй год жил на севере, в Новгороде. Нельзя было мстить за отца без сына, за князя – без его преемника. Однако прибыть в Киев Святослав мог никак не раньше Коляды, скорее даже к концу просинца. До тех пор предстояло ждать не меньше трех месяцев.

А вести из земли Деревской подоспели раньше. В Киев явились три десятка беженцев, женщин с детьми и кое-кто из челяди – домочадцы погибших оружников Свенельдовой дружины. После череды кровавых событий они еще жили на привычном месте, в Свенельдовом городке, на своих хозяйствах, не зная, что с ними теперь будет и куда податься. Но после погребения избитых на Ингорева страве бояр древляне разграбили и сожгли русский городок. Деревские жены Свенельдовых оружников вернулись по своим родам, а привезенным из Киева осталось бежать назад. Им еще повезло, что их не поубивали и не обратили в холопы.

Узнав о гибели отцова городка, Мистина только рукой махнул: иного он и не ожидал. Лошадей и самое ценное имущество он сумел вывезти, но скотину, припасы, разный домашний скарб пришлось покинуть. Не плакать же было по горшкам – потеряли они куда больше.

Лют рассердился сильнее. Для него отцов двор на кручах над Ужом был почти родным домом: он там вырос. А теперь и дом – в углях и все имущество, кроме его пожитков для поездки в Царьград, – в золе и пепле. Уезжая оттуда ясным весенним днем, глядя, как отец машет ему рукой на прощанье, мог ли он думать, что никогда больше не увидит ни отца, ни дома! Теперь уже – совсем никогда. Дом последовал за своим господином на тот свет.

– Опричь их возьми! Я этим гадам отомщу! – негодовал Лют, и Мистина невольно улыбался, видя этот решительный взгляд исподлобья. – За дом моего отца... нашего. Что ты смеешься? Давай у них что-нибудь разграбим и сожжем! За дом нашего отца мы же можем отомстить, не дожидаясь князя! Это наше право! Это наш долг! Прости... – Он вдруг опомнился: не ему указывать старшему в роду, что делать.

– Боюсь, если мы сожжем дом Володислава, Святша поймет этот как ловы в его угодьях.

– Ну, другое что-нибудь.

– Малин! – воскликнула Соколина. Она теперь жила у старшего брата, и Лют вновь, как при отце, видел ее каждый день. – Где нас держали первые дни, пока на Игровец не увезли!

– Истинно! – Лют обрадованно ткнул в ее сторону пальцем. – Малин! После лесов на Здвиже туда за один день... или за одну ночь добраться можно, прямо по дороге. Гвездаты в живых нет... и с ним же и другие полегли? – он взглянул на Мистину.

– Родичей семь-восемь с ним было, – тот кивнул.

– В веси-то одни бабы остались, – Лют многозначительно поднял брови. – Метнемся туда и назад – Володислав и узнать не успеет, не то что людей собрать.

– А если, – Мистина подался к нему, опираясь о колени, – он уже собрал людей и ждет на дороге – тебя, меня... кого-то вроде нас?

– Ну... – Лют слегка задумался. – Ты же хочешь знать, собрал он или не собрал?

Мистина помолчал. Он хотел это знать. Но не ценой жизни своего единственного ныне кровного родича.

– Ты сам сказал, – тихо, но азартно напомнил Лют. – Мы должны быть на острие этого меча...

– Сколько людей тебе надо? – как у равного, спросил Мистина.

– Три десятка. В Малине примерно столько дворов. А больше вести – слишком заметно.

– Ну-ка давай, – Мистина окинул взглядом стол и придвинул к Люту расписную греческую чашу с колотыми орехами для детей. – Расскажи мне, в каком порядке ты людей поведешь по дороге.

– Туда или обратно?

– Обратно. С добычей и полоном.

Лют хмыкнул: он, что ли, раззява чащобная? Или ему десять лет? Или он зря уже четыре года разъезжает по свету с отцовскими купцами, два раза в Царьграде был, раз – в Сугдее, раз – в Самкрае. Взял два ореха и выложил на дальний от себя край стола.

– Это передовой дозор.

– Сколько от него до основного отряда?

– Чтобы видно было. Ну, шагов сто, глядя по местности.

– Дальше?

– Дальше я, – Лют быстро огляделся и схватил яблоко, чтобы отличать свое положение от мест оружников. – И со мной еще трое. Дальше полон, – он поставил чашу, – охрана здесь и здесь, потом возы с добычей, которая сама без ног, при каждом по человеку. Потом скотина – еще двое здесь...

Мистина внимательно выслушал весь порядок, добавил по одному ореху в передовой и замыкающий дозор и удовлетворенно кивнул:

– Дам тебе своих Доброша и Турбена, они у меня по двадцать лет, люди надежные. И из ваших царьградских возьми десяток, какой сам хочешь. Все верхом. Выезжаете на заре из Воловичей. На второй день к вечеру будете на месте. Отдыхаете в лесу. Чуть рассветет – входите в Малин. От своих – никуда! Окрестные веси не трогать, по волости людей не рассеивать. Ни в коем случае! Будет кто вякать, что-де мы так еще в трех весях добычу возьмем, – от моего имени в зубы. В тот же день назад!

– Я с тобой! – горячо воскликнула Соколина. Летние зловключения не поумерили ее бойкости.

– Нет! – в один голос отрезали оба брата.

– В Воловичях я буду вас ждать, – Мистина снова взглянул на Люта. – Если вдруг что...

Лют поджал губы, чтобы сдержать рвущееся из души ликование. Мистина с оставшейся частью своей дружины будет прикрывать его на случай погони, но все же отпускает. Он, Лют, станет острием меча, что первым пронзит пределы земли Деревской!

Мистина смотрел в его глубоко посаженные узкие глаза, в которых горел вызов самой судьбе, и замирало сердце от понимания того, что он видит самого себя, начавшего все с начала.

* * *

До того страшного дня, когда луг усеяли мертвые тела, жители Малина не успели даже отсеяться с озимой рожью: земля была сухая, и тянули до последнего, ожидая дождя. Теперь тянуть было уже некуда, а число работников-мужчин поубавилось. Посоветоваться стало не с кем – дед Мирята и дядька Родима, наилучшие знатоки всех обычаев земли-матери, сами были посеяны в нее черным прахом, чтобы когда-нибудь взойти в новых поколениях рода Сушиновичей. Пришлось заканчивать посев как сумели. А пришла пора молотить: снопы на гумне подсохли. Работали даже отроки не покладая рук, до ранних осенних сумерек. Бабы и девки возились со льном: настало время мять и трепать.

И вот наконец под вечер засыпающий, усталый Перун послал дождя на пашни. Стало быть, все сделали верно, думал Берест, вытянувшись на полатах, близ уже спящих младших братьев. Завтра – на гумно, молотить.

Только перед сном у него оставалось немного времени подумать. Если бы не эти все напасти, до свадьбы теперь оставалось бы седмицы две. Какая она там, Ладомерова дочка? Своей невесты Берест никогда не видел: ее для него выбрали старшие. На Купалиях дед Мирята с Ладомером условились, что на пятницу Мокошиной недели, под вечер, как водится, невесту доставят в Малин. Хотелось бы, чтобы была красивая, думал Берест с закрытыми глазами, пытаясь хоть около этих мыслей отогреться от всех горестей и тревог. Дед Мирята только сказал, что рукодельная и все у нее как надо. Ухмылялся и подмигивал. Мать говорила, худую девку дед не выбрал бы, он разбирается... Да что теперь думать? Этой осенью какие свадьбы? Ладомер ведь был на той страве, Берест сам его видел с разрубленной головой, подле деда Миряты... На Марениной свадьбе привелось им вместе погулять...

Утро пришло незаметно. Младшие братья сопели рядом. Берест уже какое-то время не спал, когда осознал, что снаружи доносится шум – непривычный ранним утром, на самой заре. Даже подумалось, поздняя осенняя гроза грохочет, Перун напоследок палицей своей поигрывает. Грохот копыт – будто целый табун промчался вдоль веси, между двумя рядами дворов. Приснилось? В Малине ведь только три лошади. Приподняв голову, Берест вслушался. Оконце было немного отволочено, и сквозь щель он уже ясно различал вдали крики и грохот.

Что это может быть? Берест соскочил с полатей. Одновременно отец отдернул занавеску и высунулся с лежанки.

– Поди глянь, – велел он, увидев старшего сына уже на ногах, и потянулся к своим черевьям.

Берест тоже сунул ноги в черевьи, схватил с лавки пояс и, обвязываясь на ходу, выскочил за дверь.

Шумели возле Гвездоборова двора. На глаза попался Комель – тоже высунулся из своей избы, напротив. У боярских ворот виднелось несколько всадников, и там среди них метались люди в белых сорочках. Птицей из ворот вылетел еще один – Гвездоборов холоп Махала. Берест потянулся протереть глаза. Это сон?

Со двора доносились вопли, женский визг. Подбежал отец – едва обувшись и набросив свиту на сорочку. В руке его был топор, и тут до Береста дошло.

Он метнулся назад в избу – взять второй топор под лавкой. Уже направляясь бегом назад, услышал снаружи конский топот и свист. Закричала женщина – уже совсем близко, возле избы. Так закричала, будто земля вдруг разверзлась под ногами.

А выскочив наружу... Берест едва не упал, наткнувшись на тело. Отец лежал на дороге лицом вниз, в руке был топор.

– Батя, ты что?

Берест кинулся к нему, взял за плечи, хотел поднять. Отец не шевелился... а приподняв его, Берест невольно вскрикнул и отшатнулся.

Через лоб и переднюю часть головы пролежала глубокая рубленая рана. Залитое кровью лицо – чужое, ужасающее... Кровь затекла даже в рот, от вида окровавленных передних зубов Берест чуть сам не упал назад.

Вдоль дворов мчался всадник – страшный, как навь с железной головой и железным телом, с секирой в руке. К Бересту он сейчас был обращен спиной и удалялся к дальним дворам.

Сейчас бы лук! Но пока достанешь, пока натянешь, стрелы отыскать... Ну и дубина – почему не подумал, что надо оружие держать наготове?!

Мысли бежали сразу во все стороны. Чуть опомнившись, Берест вновь метнулся к отцу. Надо перевязать... Едва понимая, что делает, Берест поволок его к избе – неподвижное тело казалось очень тяжелым.

От Гвездоборова двора к Новакову концу, что выходит к святилищу, неслись люди – женщины с детьми, отроки, два молодца. Это были Бурегостевы домочадцы – их двор крайний возле Гвездоборова. Бежали они к городцу, и Берест сообразил: надо с ними. Чужаки уже высаживали дверь в Медункину избу. Издали казалось, что они из железа – точно, нави. Ворвались, и вскоре оттуда вылетели, выброшенные невидимой силой, и сам Медунка в одной сорочке, и его простоволосая баба, и двое детей-подростков.

От Коняевой избы чужаков отделяло только три двора. Берест затащил отца под навес у двери, уложил на рогожу и метнулся внутрь.

Мать уже стояла перед лежанкой, Мотылица, босиком и в свитке, тянула за ворот брата Огневку, чтобы просыпался скорее.

– Там... бесы какие-то... бьют наших... бежим... – Берест сдернул Огневку с полатей, потом ухватил второго брата, Журчалку. – Живее! Отец... помогите занести... он сам не может...

Сейчас бы убраться подальше, укрыться, пересидеть. Огородами – в овраг, а там на дальнем конце лес.

Кучей вывалились на крыльцо. Мать и Мотылица кинулись к отцу, запричитали. Над всей стоял крик – человек десять малинцев, почти одни женщины, бежали в сторону святилища. У Слепакова двора трое мужиков дрались рогатинами с двумя всадниками; тусклой молнией над схваткой летало лезвие меча.

Это же русы, вдруг сообразил Берест.

Не навьи никакие вырвались по осени. Русы, те самые, что перебили с полсотни бояр и отроков вместе с Гвездобором. Они вернулись. И не знатная жена Ольга и услужливые отроки с заискивающими улыбками, а воины в шлемах и кольчугах, с мечами, копьями, боевыми топорами.

Давно темнившая небо туча рухнула на землю железным градом. От смертного страха путались мысли.

– Бегите, бегите! – Берест бросился назад к крыльцу, схватил мать и сестру за руки, толкнул вперед. – В городец!

Увлеченные общим потоком, те понеслись за всеми. Берест поневоле было побежал следом и тут увидел: на том конце ждала стена из всадников. Глаз в смятении не мог их подсчитать, казалось, там целый строй, будто железный тын, полсотни или сотня. Все бегущие попадали прямо к ним в кольцо; ударами плетей и криками русы принуждали людей валиться наземь и закрывать голову руками.

Это ловушка. Одни гонят туда людей, а другие хватают. Нельзя к городцу бежать!

Берест подался назад. Мимо него рванулся Огневка, и Берест почти безотчетно поймал его, потянул назад.

– Пусти! – десятилетний младший дрыгал ногами и вырывался. – Там мама!

Берест и сам всем сердцем рвался за матерью и сестрой: стремление быть вместе со своими в человеке сильнее и страха, и ума. Но вспомнил, чему учил дед Мирята: стой заодно, а беги врознь!

Не выпуская Огневку, Берест развернулся и побежал меж дворов к гумну. Это было высокое, куда выше обычной избы, длинное, из нескольких срубов, бревенчатое строение, общее для всех Сушиновичей. Сейчас, после жатвы, здесь аж сердце заходило от радости изобилия: на вешалах – крепких сосновых жердях с длинными сучьями висели колосьями вниз снопы ржи и пшеницы. Высокие двери, способные пропустить нагруженный снопами воз, были не заперты, внутри стоял запах пыльных колосьев и дыма. Сюда совсем недавно свезли снопы

ржи, высушили, только начали молотить... Берест пихнул Огневку в гущу снопов, велел сидеть тихо. Огляделся. Руки пустые... топор же был! Выпустил в избе, когда стягивал Журчалку, а потом не вспомнил. Но и был бы топор в руке – если сюда явится бес на коне, срубит его, как малец сшибает палкой трухлявый гриб. Цеп взять... Против копы не сойдет.

Берест живо взобрался на верхние балки, ближе к выходу. Через высокие распахнутые двери совсем близко слышались конский топот, свист, выкрики – частью по-славянски, частью на чужом языке – надо думать, варяжском. Запах дыма сгущался. Они что, избы подожгли? Гвездоборов двор – уж верно, оттуда дым повалил раньше всего.

Неужели это она – война? У Береста появилось несколько мгновений, чтобы подумать и понять, что происходит, но осознание оказалось куда хуже, чем замешанный на недоумении ужас. Война, о которой говорилось на вече в Искоростене? Сейчас, еще до первого снега? Но где же то ополчение, какое князь велел собирать? Никаких гонцов в Малин не прибывало.

Отец... Видение тела, с расплывающейся по светлым волосам и по лицу кровью, так ясно стояло перед глазами, будто Берест прямо сейчас на это смотрел, но ум отказывался верить. Они оттащили отца к дверям избы... или внутрь? Он очнулся? Успели мать и Мотылица его перевязать?

Выбраться бы отсюда поскорее и найти всех своих...

У дверей раздался шум, и на гумно по всходам для возов ворвался всадник. В руке у него был пылающий витедь из пеньки. Бересту ударило в лицо душным запахом горячей смолы.

Всадник огляделся, примериваясь, куда бросить огонь. Да понеси тебя желвак! Берест даже зубами закрипел от злости. Жито, труд всего села от весны до осени, жизнь... А им только бы жечь...

Он передвинулся по балке. Вытащил поясной нож – тот с вечера висел на поясе в ножнах. И когда всадник размахнулся, чтобы бросить витедь в гущу снопов, Берест прыгнул с балки ему за спину.

Сразу вцепился одной рукой, как клещ, а второй полоснул ножом по горлу и спихнул с седла вниз. Катясь по земле, тот схватился руками за горло, а Берест живо перебрался в седло и подхватил поводья. И направил коня обратно за дверь.

Не сразу ему удалось совладать с чужой лошадей, и поначалу он скакал, лишь пытаюсь удержаться и не глядя по сторонам. Пролетел через облако дыма, чуть не задохнулся – за Гвездоборовым тыном мощно горело, не иначе как сам дом и клетки. Глаза резануло, и не сразу ему удалось поднять веки, чтобы оглядеться сквозь дымные слезы. Раз или два лошадей перепрыгивала через тела на земле – некогда было разглядывать, кто там, но сейчас Берест порадовался, что ему попала дружинная лошадей, приученная скакать через лежащих людей. Путь в поле, а за ним к лесу был свободен, и Берест ударил лошадей пятками.

На скаку оглянулся на Малин-гору. Ворота святилища были открыты, у подножия ждали трое или четверо всадников. Тех малинцев, кто пытался бежать сюда в поисках спасения, переловили на подходе.

И в тот же миг всадники у начала моста увидели его. Раздались крики: один прямо с седла натянул лук, и не вздерни Берест лошадей на дыбы, был бы убит – стрела пролетела прямо перед мордой. Двое тут же устремились за ним.

Теперь спасение было в скорости. Догонят – зарубят без разговоров. Решат, что он убил того всадника... дай чур, чтобы это оказалась правда! Хоть одного бы из этой стаи прикончить...

Хорошо, что Станко научил его ездить верхом, чтобы было с кем скакать по лугу наперегонки, когда отец отсылал его пасти коней. Берест на скаку огляделся: к седлу были приторочены два мешка, из одного торчал косяк тонкой, белой как снег льняной ткани, из-под него выглядывал край глиняного расписного блюда. Это блюдо он знал: с Гвездоборова двора, греческое, в Киеве было куплено. Боярыня так им гордилась, по великим дням, для лучших

гостей на стол подавала. Берест за таким столом не сидел – только у двери случалось постоять, с другими отроками, посмотреть, как отцы и деды едят и говорят о своем, о важном... Жива ли теперь боярыня... та изба, тот стол и полки уже горят, дым досюда достает... Весь привычный мир внезапно рухнул в дыму, грохоте копыт и истошных криках, и лишь осколки его зацепились за седло чужого коня.

А потом Берест нашел кое-что, чему обрадовался сильнее, чем блюду. К седлу была привязана секира на рукояти с резьбой. Да он теперь вооружен!

Грохот копыт за спиной приближался – у тех двоих тоже были хорошие кони, а владели они ими лучше. Доносились злые азартные крики на чужом языке. Но и лес был уже близко – еще зеленый, с проблесками желтизны в березовых ветвях, густой.

Спасет ли? Конь начал уставать – видно было, что он уже проделал немалый путь. Этак не уйти.

Перед поворотом тропы Берест решился: придержал коня, живо соскользнул наземь, сильным шлепком по крупу послал коня вперед, а сам метнулся на дрожащих ногах в заросли. Не выдай, батюшка-лесовик! Русы не сразу разглядят, что теперь преследуют коня без всадника. Прислушиваясь, не трещат ли ветки за спиной, Берест неся через знакомый лес, прыжками, будто олень, одолевая бурелом. Поскользнулся на влажной листве, покатился в овражек... распластался на земле и замер, вдруг осознав, что грудь разрывается, сердце сейчас лопнет, а поднять голову нет сил.

Он лежал на дне оврага, уткнувшись носом во влажный мох, щеку царапал жесткий брусничник. Сорочка прилипла к мокрой спине, а в руке была намертво зажата рукоять варяжской секиры.

* * *

Малин-городец изначально укреплен был самими богами – высотой мыса над Иршей, крутыми склонами, глубокими оврагами, где к тому же густо росли кусты. Человеческие руки лет полтора назад выкопали ров, насыпали вал, отделявший площадку от берега, и попасть внутрь можно было только по тонкой земляной перемычке. Окажись там внутри вооруженные люди – могли бы очень неплохо обороняться, особенно имея запас стрел. И не раз жители Малина и окрugi спасались там от врагов, прятали женщин, скот и пожитки, пока мужчины отбивали напасть в поле.

Но сегодня десяток Доброша никого сюда не пропустил, весняков переловили и усадили наземь на пустыре у крайних дворов. Когда Лют проскакал через селение, уже все двери в избы стояли нараспашку, жители выгнаны, люди Турбена обшаривали укладки, выбирая припасы и пожитки поценнее. На утоптанной мокрой земле лежало пять-шесть тел – мужчины, пытавшиеся дать отпор, были зарублены или убиты сулицами с седел. Путь к святылищу был свободен.

Ворота вала запирались на простой засов, чтобы их не распахивало ветром. Лют оставил коня снаружи, у начала тропы, с тремя оружниками, и пошел через перемычку пешком. За ним следовал хирдман – свей Рандольв.

– Там есть золото? – оживленно спросил он по дороге.

– Едва ли, – Лют, тяжело дыша после скачки, мотнул головой. – Откуда у древлян золото... это же не греки.

– Жаль. У фризов в храмах мы всегда находили золотые чаши, красивые ларцы, шелковые одеяния.

– Нам здесь не это нужно.

Они вошли на площадку вершины и остановились, оглядываясь. Полукругом, лицом к входящим, стояли пять богов: Перун в середине, по бокам его Сварог и Волос, по краям – Мокошь и Зареница, судя по вырезанному близ руки кольцу. Все пять идолов украшены влаж-

ными от дождя венками из колосьев – после недавних Дожинок. Жертвенная площадка перед ними чисто выметена и пуста.

Лют огляделся. Вдоль вала стояли три обчины, по числу колен племени маличей. Все три были тоже заперты лишь на засовы: кто бы стал туда ломиться? Он устремился к той, что посередине – шире и длиннее других.

Распахнул дверь – в лицо ударило затхлостью и влажным холодом. С Дожинок здесь не разводили огня, помещение остыло.

– Посторожи! – приказал Лют Рандольву. – Я проверю внутри.

– А что, если там все-таки есть золото? – крикнул тот ему вслед.

– Я позову тебя, клянусь!

Лют легко мог дать такое обещание – никакого золота он найти не ожидал. Древляне хоть и жили на торговом пути с морованами, от которых везут красивые женские подвески и бусины, но необходимость платить дань руси не много средств им оставляла на узорочья, а торговля вся была в руках русских купцов. Лют знал об этом лучше всех – всей дальней торговлей в земле Деревской распорядился его отец. Свенельдовы люди ездили летом и в Царьград, зимой – на запад к воляныям, а никто другой заниматься этим права не имел. Богам в жертву приносят от них же полученные дары: часть скота, жита, молока, меда, богиням – ткань и «волну», то есть чесаную шерсть. Долю богов на священных пирах сжигают, остаток поедают сами.

Но сейчас, в этом святилище, Лют надеялся найти недавние плоды Маломировой победы... «Мы их богам поднесем», – какие-то такие слова Мистина слышал от Маломира, когда перед погребением Ингвара и его гридей обсуждалась судьба найденных при них пожитков и оружия. Ничего особо ценного при них не было: простая походная одежда, серая и бурая опона, накидки из волчьих шкур. Дорого было лишь оружие гридей и украшения – перстни, обручья, гривны. Все, что удалось подобрать, древляне поделили между собой и разобрали по домам. Но часть они непременно должны были поднести богам. Лучшее, конечно, Маломир увез в Искоростень и там возложил к идолам на Святой горе, но не может такого быть, чтобы Гвездобор ничего не припас для своих собственных богов!

Дверь Лют оставил распахнутой, чтобы было побольше света. Бревенчатые стены – по велик-дням их увешивают вышитыми рушниками, – длинные, чисто выскобленные пустые столы. Старые дубовые скамьи, до блеска выглаженные сиденьями многих поколений маличей. В дальнем конце старинный очаг, обложенный камнями, а над ним два высоких чура: один с бородой – дед, а другой без – баба. Очаг перед ними пуст, зола убрана.

Лют прошел вперед, оглядывая стены. Где-то здесь. Вот! У стены за очагом виднелась большая дощатая укладка. Она уже была заперта на настоящий врезной замок. Ключ, надо думать, хранил у себя боярин, он же главный жрец. Но не стоит труда искать: у Люта имелся при себе ключ ко всем замкам. Его секира. Отцовский подарок пятилетней давности, врученный перед первым его заморским походом.

Он откинул дощатую крышку. Отшвырнул в сторону полосатую вотолу, прикрывавшую содержимое. Турьи рога с резьбой, один даже с потемневшей серебряной оковкой – Лют выложил его на стол. Горшки... красивые греческие чаши с росписью... Вот!

Под горшками лежали два шлема: один северный, с полумаской, другой хазарский, с обломанными орлиными перьями на макушке. Первый был насквозь пробит ударом секиры, прямо над лбом. Лют осторожно провел пальцами по краям пролома. В груди повеяло холодом. Через этот пролом вошла чья-то смерть... выпорхнула чья-то душа... кого-то из Ингваровых гридей. Лют знал их не слишком хорошо – в лицо, по именам, но близко ни с кем не сходил. Дружил с ними Мистина – с юности он был их сотским, и их «старики» до сих пор сохраняли с ним тесную связь. Эти люди были знамениты и уважаемы среди всей руси. Иные из них провели с Ингваром всю жизнь, с отроческих лет. И пали с ним в один час. Такой жизнью и такой смертью можно гордиться. На миг Лют ощутил даже зависть. Но потом вспомнил: он

теперь не просто свободный человек. Он из рода, где нанимают хирдманов, а не нанимаются. Если не обманет надежды брата и покойного отца. Если кровь вождей в нем победит.

Лют еще раз глянул в укладку... и ему будто пахнуло в лицо жаром. От волнения загорелись уши. Под шлемами лежал походный стяг – «малый ворон». У каждого из пяти десятков гридей был свой «ворон», и два из них Ингвар взял в свой последний поход. Толстая серая шерсть, на ней черной нитью вышит расправивший крылья ворон – тот же, что на Ингваровых печатях. Княгиня Эльга сама вышивала их все, после того как они заняли киевский стол. Белая оторочка по краям. Петли для древка. Древка никакого не было: надо думать, в час битвы «малый ворон» лежал у знаменосца в заплочном коробе или в мешке. Они же шли по реке на лодках и не знали, что на излучине, у завала из притопленных коряг, им придется принять бой.

Чуть дрожащими руками Лют вынул стяг. С надеждой заглянул под него, но увидел только груды льняных сорочек, рушников и несколько красных шапок с опушкой – одеяния богов на велики-дни. Порылся в них на всякий случай, но без особой надежды. Надо думать, второй «малый ворон» хранится в святилище Искоростеня: ведь Маломир и Гвездобор поделили добычу.

Свернув стяг, Лют сунул его за пазуху. Никакому золоту он бы не обрадовался больше. Уцелевшие три десятка гридей, которых Ингвар не брал с собой, этой осенью ходили как волки среди людей – обозленные и несчастные. Они рвались поехать с Эльгой на ту страву, но она не взяла их: уж очень их лица, их безжалостные глаза выдавали, кто они такие. Они потеряли вождя, собратьев, два стяга. Вместе с ними была потеряна их честь, а с нею и удача. Если он вернет им хотя бы одного «ворона»... Лют невольно улыбнулся, мысленно представляя их лица. Да они его на гору на руках понесут.

Шестеро были с ним в этом набеге – те, кто не стал дожидаться Святослава, а сразу попросился к своему старому сотскому. Мистина всех принял: этих людей он хорошо знал и не сомневался в их надежности. Вот они сейчас завоюют от радости, когда он им покажет, что нашел!

С рогом и двумя чашами под мышкой Лют вышел на двор. Рандольв, стоя у двери, смотрел в сторону веси – оттуда густо несло дымом и запахом гари. Боярский двор на краю селения, похоже, горел уже вовсю.

– Держи! – Лют вручил хирдману рог в оковке. – Но это взято у богов, и придется отдать на Святую гору в Киеве, иначе боги покарают нас за грабеж. Идем к нашим.

– Не много же было у них удачи! – Рандольв разочарованно скривился и взвесил рог на руке.

– Сколько ни есть, а и та теперь наша.

У подножия горы их ждал при лошадях только один человек – Доброш, десятский. Лют хотел спросить, а где остальные, но тут сам увидел – Снарь и Альстейн возвращались от леса, ведя третью лошадь без всадника.

– Какой-то тролль мчался к лесу на Асбьёрновой лошади! – издали крикнул Альстейн на северном языке. – Лошадь мы поймали, но тролль ушел.

– Где Асбьёрн? – Лют быстро сел в седло и тронулся им навстречу.

– Не знаю, поехали искать.

– Давайте, парни, живее! – Их догнал Доброш. – Если загорятся другие дома, мы в таком дыму своего носа не найдем!

* * *

Отдышавшись немного, Берест сел на мху и попытался подумать. Варяжская секира лежала перед ним, будто небольшое чудовище, – хищная, опасная, чуждая и в то же время красивая – глаз не отвести. На острое лезвие надет узкий чехол из дуба, тоже с резьбой – вроде

как змеюка вьется, и примотан тонким кожаным ремешком. Вещь была дорогая – это сказывалось и в серебряной насечке на обухе, и в резьбе гладкого дерева рукояти, искусно вытесанной из елового стволика. Уж не боярина ли какого он с коня ссадил? Вот бы самого главного у них!

Ветер шумел в вершинах, но в лесу было тихо. Лишь сороки стрекотали. Если бы вокруг шарилась пара коней со всадниками, уж их-то он услышал бы. Потеряли след, ушли?

В одной сорочке, мокрой от пота, на осеннем ветру Берест скоро зазяб. Прихватив секиру, пополз к краю оврага. Прислушался, внимательно оглядывая окрестности, выбрался наверх. Его тянуло назад – к Малину, узнать, что там происходит, жив ли еще кто-нибудь! Но не умнее ли будет бежать со всех ног к соседям, к тем же Здоровичам? В Доброгощу? А то и на них нагрянут...

Или уже нагрянули? По затылку пошли мурашки. Если на землю Деревскую пришло целое русское войско, то наверняка рассеялось по городкам и весям. И в каждом сейчас творится то же, что и здесь! У Береста чуть сердце не остановилось. Если так... то и помощи искать негде.

Что же никто не предупредил? Берест едва не застонал от досады. А кто должен был? На вече уговорились ждать вестей от князя и на том успокоились. А князю кто должен был весть подать?

Вот я и должен, подумалось. Тот, кто уже видел врагов, но сумел уйти. Единственный из всех? От этой мысли стало куда холоднее, чем от ветра.

Идти в Искоростень? Пешком тут пути на два дня, не меньше. Без платья, без куска хлеба... без обмоток на ногах даже. Добраться до Истомичей, тут поприща два, а там дадут какую свиту... даже лошадь, у них есть одна.

Нет. Будто споря сам с собой, Берест помотал головой. Сперва выяснить, что со своими.

Крадучись, тронулся в обратную сторону, к Малину. Не зря он с семи лет с отцом и дедом ходил на ловы: никто не услышал бы, как Берест идет по лесу, зато ни звук, ни движения не оставались для него незамеченными.

Однако русов он застал только в самом селении. Лежа под кустами опушки, он видел, как горят Гвездоборов двор и еще два ближних к нему. И гумно горело – Берест понадеялся было, что со снопами вместе сгорел и тот рус, но вспомнил, как прятал там Огневку, и отогнал эти мысли. Догадался ли малец выскочить, пока русу было не до него? Пока огонь не разлетелся по снопам, было время открыть вторые ворота наружу.

Гады! Змеи поползучие! Хотелось передавить их всех за жито на гумне... а кто бы стал есть тот хлеб? Где все малинцы, родичи и соседи? Живы ли еще?

Людей в охваченном огнем краю селения не было. Пришлось дать здоровенный крюк, чтобы незаметно подобраться с другой стороны, зато теперь Берест всех увидел. Женщины, дети, отроки сидели на земле, на пустыре перед святилищем, сжавшись в тесную кучу для тепла. Долетали звуки плача и причитаний. С кромки оврага Берест разглядел с краю троих мужчин. Руки у них были связаны, у Лызгача на плече краснело кровавое пятно, у Миряги был разбит лоб. Больше никого. Ни Мезенца, ни Комля, ни Задорки, своего троюродного брата и лучшего приятеля, Берест разглядеть не мог.

Снова встало перед глазами тело отца с кровавым проломом на лбу. И впервые ясно обозначилась мысль: да был ли отец жив, когда он тащил его к избе?

Нет, лучше не думать о худшем, пока ничего не ясно.

В кучу на расстеленной бычьей шкуре были свалены разные пожитки: тонкий лен, хорошая опона, бобровые шкурки, две-три медвежины. Особенно-то пожить здесь было нечем. Тут не те палаты, что у княгини киевской, с золотых блюд серебряными ложками не едим, паволоками не утираемся.

Трое-четверо всадников объезжали пленников, поигрывая кто плетью, а кто секирой или мечом. Остальные русы, спешенные, толпились у костра. Лежала разрубленная свиная туша,

часть мяса уже жарилась на отодвинутых от пламени углях. В корыте были навалены короваи – от разных хозяек, видно, вынесли, что нашли в избах. Русы хохотали, жадно ели хлеб и сало, разложенные на круглом щите, толкали друг друга в плечи, радуясь добыче.

Один сидел поодаль, и на горле у него виднелась широкая белая повязка с пятном крови. С досадой Берест признал в нем своего руса с гумна. Живучий, гад! Горло ему расцарапал, но до яремной жилы не достал.

Человек пять толпилось возле кого-то одного, разглядывая то, что он им показывал, – что именно, Бересту издали было не видно. Но русы очень веселились: орали что-то по-своему, смеялись, били друг друга по ладоням. Вот из круга вышел парень – примерно ровесник Береста. Среднего роста, светловолосый, с правильными чертами загорелого лица, улыбающийся во весь рот. Эта сияющая счастьем улыбка делала его похожим на Ярилу, что ездит весной по полям на белом коне. В последние годы Ярилой Малинской волости был Станко... черным прахом он в сыру-землю ушел... из-за этих вот...

Чему они так радуются? На ходу молодой русин засовывал что-то за пазуху. Что нашли? Рог, что ли, из святилища уволокли?

За спиной кто-то тихонько свистнул. Берест едва порты не замочил от неожиданности и резко обернулся, сжимая рукоять чужой секиры. Но в пяти шагах на дне оврага позади увидел Межак – старшего Лызгачова сына.

– Я это! – прошептал тот. – Не скажи, заметят.

Берест торопливо соскользнул к нему. Оказалось, Межак тоже запомнил науку деда Миряты и сразу кинулся в огороды. В лес убежал Липняк, сын покойного Томилы, и Комлева баба с дитем. Межак знал, где они сидят, но больше никого пока не видел.

Неужели все прочие там, в кольце у русов?

– Их что, уведут? – недоверчиво спросил Берест. – В Киев с собой?

Сам понимал: а как же иначе, русь издавна торгует полоном. Говорят, за волынянами, хорватами и лендзянами живут чехи, а у них еще более крупный рынок в граде Праге. Не для того русы всех малинцев собрали и держат, чтобы пирогами угощать!

– Но надо же как-то... – начал Берест и запнулся.

Своих надо было как-то выручать! Не может же такого быть, что мать с сестрой, родичей и соседей, своих, самых близких, составлявших для него почти весь род людской, уведут на продажу, как... каких-то чудинов полоненных?

Но как? Он, Межак, еще один отроча... и женка... Варяжская секира... Хороши себе три могучих витязя – прям Усыня, Горыня и Дубыня из дедовых сказок!

– К Истомичам бежать! – горячо зашептал он, хотя с такого расстояния русы их голосов не слышали бы. – К Здоровичам! Пусть собираются быстрее! Может, отобьем! До князя-то далеко.

– К Истомичам бежать придется – не загинаться же в лесу, – зашептал Межак в ответ. – А чтобы отбить... Где ты у них таких витязей видел, чтобы на конных русов идти?

– На дороге подстеречь – и стрелами. Дорога-то на Киев одна!

– У тебя лук есть?

– Нет... Секира вон есть!

– Ух ты! – Межак в восхищении подался ближе. – Как достал?

– А! – Берест отмахнулся. Рассказывать о своем подвиге как-то не тянуло. – Пошли отсюда.

Они пробрались вдоль оврага до дальнего конца, где за кустами можно было прокрасться в лес. Передвигались ползком. Укрывшись за деревьями, Берест обернулся. Из такой дали сидевшие на пустыре весняки казались стайей серых и белых гусей.

Боги вовсе не забыли о малинцах. Войдя в лес, Берест и Межак почти сразу наткнулись на Вьюху – старшего сына дядьки Родимы. Это был крепкий и толковый молодой мужик, лет на семь старше двоих отроков. За ним пробирался еще один отрок – четырнадцатилетний Ярец.

И вот их стало пятеро: один мужик и четверо подростков. Не считая бабы с младенцем и еще одной девчонки, через песий лаз ускользнувшей с Гвездоборова двора. Ушли подальше в лес, стали держать совет. Все сходились на том, что надо бежать к соседям, просить помощи, послать весть князю в Искоростень. Расходились, куда именно бежать. К Истомичам, что живут в сторону Искоростеня, или к Здоровичам? Вьюха, как самый старший из уцелевших, настоял, чтобы идти к Здоровичам – оттуда была родом его жена, сейчас попавшая в полон. У малинцев за последние годы было высватано оттуда немало невест, и не бросят же отцы и братья своих родных без помощи?

Помощи у Здоровичей можно было дожидаться скорее, в этом Вьюха, пожалуй, был прав. Имелась сложность: Здоровичи жили в той же стороне, откуда пришли русы. А что, если там они уже побывали? Или там побывал кто другой из их же породы? Но гадания и споры Вьюха быстро пресек.

– Русы прямо сразу с места не тронутся, – сказал он. – Пока добычу соберут, пока отдохнут. Может, они до завтра у нас просидят! А нам время дорого. Раньше них успеем пробраться.

– И еще такое дело... – подумав, добавил Берест. – Если полон отбивать – нужно в ту сторону идти, куда его поведут. Чтоб не догонять потом.

– Отбивать хочешь? – Ярец хмыкнул, потом его лицо скривилось, будто он пытается не заплакать. – Тоже, осилок² нашелся! Ты их мечи видел? И в бронях все, в шеломах... А мы... – он оглядел свою серую сорочку и порты, развел пустые руки.

– Там моя мать, сестра и... и еще люди, – упрямо добавил Берест, не желая заранее делить родню на живых и мертвых. – Я не осилок, но... Перун поможет покон исполнить! А будем сложа руки сидеть – как потом перед могилами дедовыми показаться? Сгинет род, и доброй славы не останется!

Лесными тропами семеро беглецов пустились со всех ног. Оглядываясь и видя над лесом дым, Берест всем сердцем молился: пусть еще хоть кто-нибудь окажется спасен. Не хотелось думать, что из отрока хорошей семьи, почтенного рода и славного племени, он в одно хмурое утро превратился в сироту убогого.

Вдруг он сбился с шага и застыл посреди тропы; идущий позади Межак с ходу наткнулся на его спину и едва не упал.

– Ты что? – возмущенно крикнул он, подпрыгивая и тряся ушибленной ступней. – Заснул?

Ушедшие вперед, за Вьюхой, остановились и оглянулись.

– Я... вспомнил... – пробормотал Берест. Он будто в изумлении глядел перед собой, но видел то, что осталось позади. – Я видел... кто их привел...

– Кто? – Вьюха вернулся, прочие обступили Береста.

– Я же видел его... среди них...

Теперь он сообразил, почему при виде веселого светловолосого парня в середине оживленного кружка чем-то обрадованных русинов вызвал в памяти Станко. Он раза три видел их вместе – когда Свенельд по разным надобностям проезжал через Малин. Младшего Гвездоборова сына и...

– Это был младший Свенельдов сын. Лют.

– Старший, стало быть, на страву приезжал, а младший нынче подоспел... – пробормотал Вьюха. – Оба при деле...

---

² Осилок – великан.

– Сам змей старый помер, а все нет нам покоя от его змеиного рода! – с возмущением и обидой запричитала Комлева баба, на одной руке держа младенца, а другой поднося к мокрым глазам конец повоя. – Да за что же на нас так боги огневались? За что диды отступились? За что?

Вьюха и Берест молча взглянули друг на друга. Они знали, *что* привело обоих сыновей покойного воеводы под склоны Малин-городца...

* * *

На заре следующего дня Берест и пятеро его спутников сидели, притаившись, в кустах перед бродом на Тетереве, и ждали, когда на дороге покажется русский отряд с их полоном и прочей добычей. Чтобы от Малина попасть в Киев, нужно сначала целый день идти вниз по Ирше – или вдоль нее – на запад, туда, где она впадает в Тетерев. Здоровичи жили не близ этой дороги, а за рекой, южнее, поэтому чужаков даже не видели. К облегчению уцелевших малинцев, в Здоровичах все были целы – и избы, и люди. С гумна доносился ладный перезвон цепов – здесь жизнь шла обычным порядком. При виде порядка изб, где тянулся дым из низких окошек, женки несли от реки воду, стучал у поленницы топор, пустая загородка посреди веси ждала назад отогнанную пастись скотину, – воспоминания о разорении Малина показались жутким сном.

На той страшной страве из Здоровичей погибли четверо, и все вышедшие парням навстречу были «в печали». Подумалось мельком: изобилие белой «печали» в Деревях будто торопит первый снег... Будто люди решили сами выбелить землю, не дождавшись, когда в положенный срок это сделает Марена.

Здесь старшим остался Ладовек – младший брат Ладомера. Это был среднего роста, еще не старый мужчина, рано поседевший: белая как снег пушистая борода не шла к гладкому, румянному лицу и по-молодому бодрому, живым глазам. Теперь ему принадлежало право решать судьбу Берестовой невесты. Парень лишь раз или два огляделся, мельком подумав, что и она должна быть в этой толпе испуганных женок и притихших детей, что стояли вокруг и ждали, чем кончится разговор. Но узнать ее он все равно не смог бы, а спрашивать было не время.

Страшные вести вызвали бурные споры. Те, у кого дочери и сестры были отданы в Малин, звали помочь соседям и родичам. Те, у кого близких там не было, стояли за то, чтобы хватать жен, детей и скотину и бежать в лес, прятаться в болотном городке, куда чужаки, к тому же конные, вовек не проберутся. Предлагали послать весть князю и даже готовы были дать для этого лошадь: коли вече так решило, то надо исполнять.

Но князь в Искоростене получит весть только на второй день. Пока он соберет людей, пока они, пеши, дойдут до Малина – минует дней пять-шесть, а то и вся седмица. Русы с их добычей будут уже в Киеве. И если нет той волшебной скрыни, из которой по слову колдуна выскакивает целое войско, то надо как-то самим управляться.

– Так оно и бывает, отроче, – сочувственно вздохнул дед по имени Щеп, рослый, худой старик с тонкой пегой бородой. – Кто первый у врага на пути случается, тому судьба пропасть. Стопчут его, как в поле обсевки. Войско соберется, да уже других оборонять станет.

– Единого мы рода с малинскими, единого колена, – напомнил робким Ладовек. – Покон дедов велит своим помогать. Коли нарушим завет, чур нас проклянут.

В итоге сошлись, что пятеро мужчин, наилучших стрелков, возьмут луки и устроят засаду на пути отхода русов, а прочие будут спасать своих. Дед Щеп тоже вызвался в засаду: он славился как хороший ловец, а крепости рук еще не утратил.

– Близ брода, на нашей стороне, горочка такая слева, а справа – кусты, – рассказывал Ладовек, чертя хворостиной по земле. – Вот здесь, на горочке, если залечь да разом всем

выстрелить, как покажутся, то можно пятерых снять. Мы выждем, пока русы на брод зайдут, а полон будет еще на этой стороне.

– Надо выждать, пока первые на тот берег ступят, а тут вы стреляйте по тем, кто еще на броде, – предложил Выуха. – Люди упадут, кони упадут, может, раненые биться будут. Тем, кто перешел, дорогу обратную перекроют. Вот нам и сподручнее будет.

– Ладно придумал, – кивнул Ладовек. – Кого сможем, снимем. А тут уж вы бегите – если будут связаны, узы режьте, тащите в лес. Кто сумеет, убежит. Мы, может, раза два выстрелим, а там уходить придется. В кустах конные не догонят авось. А вы бегите в лес как можно глубже. Там уж если будут гнаться за вами...

И развел руками: помочь еще как-то было не в его силах. Но малинцы были благодарны и за это: без помощи соседей у них не осталось бы надежды вытащить хоть кого-то.

Уговорившись, тут же сели в три челна и тронулись вниз по Ирше. Предстояло до ночи, опережая русов, попасть к броду, осмотреться, выбрать место и залечь. Как скоро к нему подойдут русы, знать было невозможно, и Берест не находил места от тревоги. Только бы успеть!

– Не ерзай, – буркнул ему молчаливый коренастый мужик, в чьем челне сидели Берест и Липняк.

Больше он ничего не сказал, даже во время бурного спора в селении молчал, но, когда Ладовек спросил, кто пойдет с луками на брод, первым шагнул к нему.

Войдя в Тетерев, спрятали челны в кустах ивы на той стороне. Листья уже начали желтеть и сыпаться, но зеленые держались еще густо, обещая успех задуманному делу. В сумерках осмотрели ближнюю часть дороги. На влажной земле следы большого конного отряда были хорошо видны – отпечатки множества копыт, разбитые комки навоза. Но проходил он только на запад, и следы уже размыло дождем. Значит, с полоном русы еще не возвращались.

На ночь устроились тут же, перед бродом в кустах. Без огня, без хоть какого-то крова, коротать осеннюю ночь было невесело, но Берест, съездившись на куче лапника и уткнувшись носом в поджатые коленки, почти не замечал холода и сырости. У Здоровичей беглецам выдали по свите, чтобы не замерзли; серая либо бурая шерсть не только защищала от холода и влаги, но и надежно скрывала среди зарослей. Берест так устал за этот день, что ломило все члены, но сон не шел. Завтра на заре... Удастся ли хоть кого-то спасти? Или их самих зарубят, пока они будут возиться, пытаясь поясными ножами перерезать мочальные путы? Как будут связаны пленники? Сколько их окажется? Сумеет ли он увидеть мать и других своих или придется спасать тех, кто окажется ближе? Чем больше он об этом думал, тем безнадежнее казалось затеянное; Берест стал гнать из головы мысли, чтобы не утратить мужества.

Отроки рядом шептались о том же. Выуха молчал, но его нахмуренный лоб выдавал такие же тяжкие мысли. Где-то среди пленных будет его жена, может, два их чада... и сестры... и братья...

– А у них копыта да секиры... – шептал Ярец. – Как даст по голове секирой – враз голова пополам...

Его как будто завораживала эта жуть, и он никак не мог остановиться.

– Спите вы уже! – прикрикнул Выуха наконец. – А то пойдут наши, а вы будете глазами хлопать!

На какое-то время Берест и правда заснул, но проснулся от холода, еще когда было темно. Развести огонь – было нечего и думать, и даже встать и попрыгать, чтобы разогнать кровь, он не решался. Постепенно темнота редела, вот уже стала видна дорога – ее отсюда, до поворота, можно было разглядеть шагов на сто.

– Идите, – велел Ладовек, когда его родичи проснулись и стали готовить луки. – Вдруг уже и появятся?

Малинцы пересекли дорогу и спрятались в кустах. Теперь позади них была река, чуть правее – брод, к которому спускалась дорога, а еще правее – горка, где в зарослях притаились

стрелки. Расчет был на то, что все русы обратятся туда, откуда в них полетят стрелы, и отроки смогут подбежать к полону с другой стороны. Берест утешал себя: Ладовековы родичи – опытные ловцы, белку за сто шагов снимают с дерева. Лучшие из своих. Неужели не попадут в русина, да верхом на лошади, когда он будет прямо у них под носом, посреди брода?

Снимут они не более пятерых. Но и остальные хоть на какой-то миг растеряются... может, отойдут назад, может, вступят со стрелками в бой... так или иначе, у малинцев будет несколько мгновений, чтобы подбежать к веренице полона и разрезать пути хотя бы у нескольких. Дальше этого Берест пока не думал.

Но и он, как Ярец, не мог отогнать видения – чужая секира летит железным клювом птицы-нави сверху на его ничем не прикрытую голову... Свою секиру он взял с собой и засунул сзади за пояс – вдруг пригодится. Но если ему с земли придется драться с всадником... только на богов и надежда.

Может, не пережить ему этого утра. И эта вот грязная дорога, зеленые с желтизной деревья, белый туман в гуще кустов – последнее, что он видит на свете. Недолго пожил... Жениться даже не успел... Зато если и приведется здесь пасть с разрубленной головой... как отец... хоть перед чурами будет не стыдно. Если отец правда погиб... он будет рад, что старший сын не опозорил род и хотя бы попытался спасти мать и сестру... если им больше не на кого надеяться.

Стал накрапывать дождь. Младшие отроки ерзали, не в силах лежать неподвижно, но до белизны костяшек сжимали свои поясные ножи с коротким лезвием. Каждый сам выковал себе нож – так положено для будущего мужчины. Из местного железа, кривоватые, эти ножи с простыми деревянными рукоятями были их единственным оружием против секир и мечей русов.

Уже совсем рассвело. Берест во все уши вслушивался в звуки леса вокруг дороги – движение большого отряда дает о себе знать издали. Подумал с опозданием: надо было кого-то из младших посадить за поворотом, пусть бы подал знак, когда завидит русов, птицей какой-нибудь покричал... Но поздно... да и нельзя им терять ни одного человека. Еще одна пара рук, еще один нож – еще один, двое, трое спасенных родичей...

Шумел ветер в кронах. Не весело шумел, как поздней весной, когда шум свежей березовой листвы будто окатывает тебя искристым, бодрящим, будоражащим шелестом, в который вплетены солнечные отблески. Тревожно шумел, холодно, и в шуме этом слышалась безнадежность перед скорой смертью всей зелени.

Ничем не нарушив тишины, из-за поворота показались два всадника. За ними еще один. Берест вздрогнул всем телом, кто-то рядом охнул – вроде Липняк, Межак на него шикнул. Берест глубоко вдохнул, готовясь выбежать, когда увидит толпу полона...

Но позади третьего всадника никого не было. Верховые приближались к броду, а дорога за их спинами оставалась пуста.

– Где наши все? – шепнул Ярец. – Они же должны...

– Тише! – оборвал его Вьюха.

Берест не оборачивался к ним, напряженно переводя взгляд со всадников на дорогу близ поворота. Вот сейчас...

Ну где же? Где?

Что пошло не так? Где малинцы?

– Они всех убили! – выдохнул Ярец и резко втянул воздух, собираясь закричать.

Берест обернулся и резким движением схватил отрока в охапку, одной рукой зажимая рот, другой опрокидывая наземь. Ярец вырывался и глухо вопил сквозь ладонь. В этот миг Бересту хотелось его придушить.

А три русина были уже близко, шагах в десяти. В шлемах, в кольчугах поверх серых некрашенных свит из толстой ветоли. Оглядели местность по обе стороны брода. Ярец утих,

лишь хлопал глазами, как корнями обведенный³. Отсюда Берест ясно видел лица всадников: все средних лет, у одного русая борода и немного сплюснутый нос, у двух других бороды рыжеватые, у первого – заплетенная в две косички. Сосредоточенные лица, глаза внимательно обшаривают заросли... Круглые щиты все трое держали на левой руке перед собой, так что только глаза и были видны.

Не замедляя хода, двое стали подниматься на горку, где лежали стрелки. Один тронулся прямо на Береста и его товарищей. У Береста пропало дыхание; всадник на гнедом коне казался огромным, двигался медленно, как во сне, но приближался быстро. Надвигался, как туча... как гора каменная...

А потом краем глаза Берест заметил справа движение. И будто очнулся: дальше все стало происходить очень быстро.

В верховых полетели стрелы. В щит одного вонзились две стрелы, под вторым вскрикнула и забила лошадь, и всадник исчез из седла. Зато третий, тот, что ехал, раздвигая конем ветки, прямо на отроков, закричал во все горло что-то непонятное, развернулся и поскакал через дорогу на горку.

Сверху из зарослей вылетела еще одна или две стрелы, а потом два уцелевших руса врубались в кусты. Щиты они теперь забросили за спины, держали поводья левой рукой, а в правой у каждого появилось по сулице. Судя по крикам, шороху и качанию ветвей, пятеро стрелков пустились наутек, как и было оговорено. Оба руса метнули сулицы им вслед, не прекращая погони, и схватились за секиры. Оба непрерывно кричали. Ржала лошадь, третий русин висел на поводьях, удерживая ее, и тоже кричал что-то по-варяжски.

И вот тут стало ясно, где остальные. Донесся давно ожидаемый грохот множества копыт – из-за поворота вылетели полтора-два десятка всадников, строем по двое, и на полном ходу ринулись к горке у переправы. Не снижая хода, взлетели вверх, прорубаясь через заросли. Недавнюю тишину сменили топот, треск ломаемых веток, азартные крики.

Полон там, за поворотом! Где-то там, за деревьями, отсюда его не видно!

– Бежим туда! – пользуясь тем, что всадникам не до них, Берест вскочил и схватил за плечо Вьюху. – Бежим, они там!

Не высываясь на дорогу, они пустились вдоль нее по опушке. До поворота оставалось шагов сто. Но бежать здесь было нелегко: мешали бурелом, грязные лужи и скользкие кочки. Липняк запнулся о торчащий корень, упал, растянулся во мху.

Уже одолев полпути, Берест услышал справа громкий топот копыт. Выглянул из-за деревьев: прочь от переправы скакали трое. Теперь он бежал с ними наперегонки, но скоро отстал. А на тропе вновь загрохотали копыта...

Едва дыша, Берест выбежал к повороту. И наконец увидел полон и с ним прочую добычу – два воза с разными пожитками, малинское стадо... Пленники были связаны по двое и привязаны к пропущенным между рядами длинным жердям. Между опушкой и полоном стоял еще один всадник с сулицей в руке и пристально вглядывался в заросли. Едва на него не наткнувшись, Берест остановился, вцепился в березу, ища опоры. Грудь разрывалась, сердце едва не выпрыгивало.

– Мати! – вскрикнул кто-то у него за спиной, и к толпе пленников рванулся Ярец.

То ли правда увидел мать в толпе, то ли показалось... Берест отчаянно взмахнул рукой, пытаясь его поймать: не видишь, дурень, тут сторож! Сторожа Ярец не заметил. А тот мигом обернулся на голос и шум движения: не успел Ярец сделать и трех шагов, как рус метнул сулицу. На звук, сквозь ветки.

---

³ Корнями обведенный – обвороженный, заколдованный.

Полетело несколько срезанных листочков. Ярец застыл на бегу, нелепо взмахнул руками, будто хотел ухватиться за воздух, и упал на спину. Сулица вошла ему прямо в середину груди и пробила тощее тельце насквозь.

Берест задохнулся. Перестал дышать, прижался к березе, будто младенец к матери. На него плеснуло холодом – раскрылась пасть Нави, совсем рядом. Ствол был толстый и почти такого же цвета, как выданная ему свита – серовато-белая. Берест прильнул к березе, стремясь слиться с ней, войти в ствол, стать его частью, спрятаться под корой... Ноги отнялись, он боялся двинуться, чтобы не выдать себя.

Но русин в заросли не пошел. Еще посмотрел и отвернулся к дороге. Когда Берест смог вновь перевести взгляд на толпу полона, вокруг ездил уже, кажется, все три десятка русов. Они тяжело дышали, возбужденно перекрикивались. В руках у каждого еще были обнаженный меч или секира. Двое держали длинные копыя. Когда один поехал мимо Береста, он заметил, что на длинном лезвии блестит красное... И невольно зажмурился.

На тело Ярца он не мог смотреть – тут уж понятно было, что мертв. Опомившись и пользуясь заминкой русов, Берест крадучись отодвинулся дальше в заросли. Соваться вперед больше не было никакого смысла. Русы уже все вернулись к своей добыче.

Но откуда они знали, что над бродом их ждет засада? Никто не мог их предупредить. Они что – колдуны? Почему они оставили полон и основной отряд за поворотом?

С дороги послышался шум движения. Мимо замершего Береста прокрался Вьюха, и Берест двинулся за ним.

Тело Ярца лежало на прежнем месте, но перевернутое. Сулицы в теле не было. По дороге мимо тянулся полон, между ним и лесом ехали два всадника. Потом еще два... Берест вглядывался сквозь ветки, пытаясь найти кого-то из своих, но разглядел только Задорку: тот шел, со связанными руками, как все, привязанным к жерди. В паре со стрелом Стеблиной...

Тут Берест сообразил, что не так: полон шло куда меньше, чем было жителей Малина, сидевших на пустыре под охраной в то страшное утро. Здесь будто «молодые» паверечницы, где девки и молодухи собираются отдельно от старших баб. Ни одной из тех, у кого уже есть женатые дети и завелись внуки. Но и детей младше лет одиннадцати-двенадцати тоже не было. Ни одного старика... только отроки и молодцы... Пленники были одеты в теплую одежду – хотя и не всегда свою, казалось, им раздали ее, кому что попало, – обуты, в шапках и теплых платках. Даже появились котомочки за спиной. Все брели, уныло глядя под ноги, стараясь не смотреть на русов. Лишь самые бойкие из отроков и девок тайком бросали взгляды в заросли. Они ведь слышали шум и поняли, из-за чего была задержка, – кто-то пытался их спасти! На иных лицах еще пылала надежда, никак не желавшая уходить даже после того, как все успокоилось и обоз тронулся дальше.

Где все остальные? Их отпустили? Убили? Помня недавнее зрелище на лугу после стравы, Берест невольно закрыл глаза, но так еще яснее увидел пустырь между крайними дворами и святилищем, заваленный изрубленными телами. Только теперь не бояр – матерей, бабок, дедов и детей... Всех тех, за кого торговцы челядью много не дадут.

Позади полон два воза везли наваленные пожитки. На одном полулежал, прислонясь к мешкам, тот русин с перевязанным горлом и тоже с копьем в руке. Видно, сидеть в седле еще не мог, но злобно зыркал по зарослям. Потом брела скотина, ее подгоняли трое конных русов. Вот они прошли, и казалось, уже все. Но когда Берест хотел выйти на дорогу, показались еще три всадника со щитами за спиной, отстающие от отряда шагов на сто.

Сил бегать больше не было. Живот подводило от голода – лишь вечером сжевали по краюшке, а утром только попили воды. Горло пересохло, слегка мутило. Руки и ноги дрожали от изнеможения. Берест черпнул горстью воды прямо из впадины во мху – уже все равно.

Когда Берест и Вьюха вышли к броду, там лишь бурлили взбаламученные струи, а подъем на той стороне был сплошь залит водой и покрыт множеством следов ног, колес от двух возов, конских и коровьих копыт.

Хотелось утопиться прямо здесь, на броде, в невысокой грязной воде.

– П-пойдем, поищем... – хрипло сказал Вьюха и кивнул на горку. – Что там м-мужики...

В глубине зарослей, шагах в двадцати от переправы, они наткнулись на Ладовека и его родичей. Один сидел на земле, и Ладовек торопливо перевязывал ему лоскутом от подола сорочки рану в плече: тот постанывал и скрипел зубами. Один лежал на земле, и его никто не трогал. Подойдя ближе, Берест увидел того молчаливого мужика, который первым без слов вызвался идти сюда. Открытые глаза неподвижно смотрели в небо сквозь ветки. На груди, поверх серой свиты, виднелось кровавое пятно, совсем небольшое, рядом лежала варяжская сулица – вошла в спину и пробила насквозь.

– Они как будто знали, – Берест с усилием поднял глаза на хмурое лицо деда Щепы. – Что их здесь у брода ждут. Как они могли знать? Кто им сказал?

– Сказал? – Дед Щепа дернул углом рта и немного развел дрожащие от усталости руки – ему нелегко пришлось, пока спасался бегством от всадника в густых кустах неровного берега. Подол его бурой свиты был весь в грязи. – Опыт им сказал, отроче. Опыт...

* * *

За устьем Ирши, ниже по Тетереву, начиналась уже другая волость племени маличей. Ближайшая весь их называлась Рощуки. Прежде чем отправиться от брода восвояси, Ладовек решил завернуть к ним – узнать, не было ли у них разорения, и попросить хоть каких дерюг прикрыть двух покойников. Взяв один челн, поехали двое – он и Берест. Прочие остались ждать, прикрыв тела пока лапником. Теперь можно было и у костра погреться – таиться уж нечего.

До Рощуков было всего поприща три. Налегая на весла челнока, Берест и сам не знал, какой надеется застать весь – целой или разоренной. Радоваться, что русы обрушились пока только на Малин, или досадовать. Почему не на Рощуки! Здесь им даже ближе! Пусть бы другие какие отроки, чужие, прибежали в Малин со страшным известием, а их отцы и деды, живые и здоровые, судили, как беде помочь.

Но вслух Берест не задавал этих вопросов. В душе он знал ответ. Летом, перед жатвой, Гвездобор похитил семью киевского воеводы – Свенельдова старшего сына, когда тот отправил жену, сестру и детей из Искоростеня в Киев. В засаде на лесной дороге участвовали многие мужчины – и оба боярских сына, и Мезенец с братом, и Родима с Вьюхой, и Слепак, и Лызгач. Все Мирятины сыновья, и они, Берест с отцом, и Задорка со своим отцом тоже. Да все почти. Они с Задоркой еще гордились, что боярин так высоко оценил их искусство обращения с луком – признал годными для боя. Правда, стрелять по человеку Бересту тогда не пришлось, и никому не пришлось. Гостята Гвездоборович выстрелил один раз, в землю под ноги переднему коню, и этого хватило. Гвездобор заранее уверял, чтобы не боялись: битвы не будет, русы сразу бросят оружие. Так и вышло. Они бросили оружие, и малинцам осталось лишь его подобрать и отвезти пленников – десяток отроков и киевскую боярыню с детьми – в городец. Там их заперли в обчине, но ведь худого ничего не сделали. Только Станко разок молодую девку пощупал, она как завизжит... «Руки убрал!» – Берест так и слышал ее звонкий голос: в двенадцать лет она уже привыкла указывать. Еще через день или два Гостята увез пленников куда-то вверх по Тетереву. Берест и отец в той поездке не участвовали, и куда дели семью воеводы, им было неизвестно. Но Гвездобор объяснял, что пока эта женка с детьми в их руках, земле Деревской ничего от киян не грозит. А все-таки было тревожно: ведь те дети были родные Свенельдовы внуки, а от всего, что с ним связано, добра ждать не приходилось. «Унесли змее-

нышей, – бормотала тогда бабка Лытуша, – дождетесь, чудище-змеище за ними прилетит...» И Берест ждал невольно, что верхом на туче грозовой со змеиным посвистом явится сам покойный Свенельд... после смерти в куда более страшном облике, чем был при жизни.

Когда Свенельдов сын пришел за своей семьей с целым киевским войском, тех в Малине уже не было. Гвездобор тогда сбежал и долго прятался где-то в болотах. Вернулся к тому дню, когда Маломир подготовил засаду на Ингоря. Думали, что больше нечего бояться...

Поначалу эта борьба для древлян ведь складывалась удачно. Стоило умереть Свенельду, десять лет державшему всю землю Деревскую в кулаке, как его отроки от одной стрелы под ноги побросали оружие. Многие из них пошли под руку Володислава, желая служить ему против той руси, что осталась в Киеве. Одолели самого Ингоря и два десятка его гридей – самых лучших воинов. И Гвездобор был в той битве, кровь Ингоря и гридей на нем тоже. Послали свата к его вдове, Ольге, и она обещала явиться на переговоры. Прямо сюда, почти одна, отдавая себя во власть князей деревских... Почему же им было не счесть, что Перуна за бороду схватили?

Береста, ясное дело, никто никогда не спрашивал, что он обо всем этом думает. Он и сам не знал. На то отцы есть – думать. «А се третий покон – да повинуются чада отцу и матери»... – учат всякое детище еще до семи лет. Берест в ученье от других не отставал и знал: его черед думать придет, когда он сам станет отцом, а то и дедом. Отцов и дедов чуры умудряют... А он только глядя на то, что творилось в родной волости, не успевал дивиться.

Но вдруг оказалось, что он почти один – ни отца, ни деда. Вспоминая лето, Берест связывал тогдашние события с нынешними, и его аж мучило от понимания: корни этих бед оттуда тянутся. Летом они думали, что смерть Ингоря – делу конец, а было самое начало. И то, что происходило вчера и сегодня, тоже не конец. Но что будет дальше, завтра? И как он пойдет в это завтра – один, как в поле обсевок, без отца, матери, деда и прочих старейшин? Всяк человек в своем роду, а без рода нет человека...

Берест едва не пожалел, что не попался в руки русам и не бредет сейчас в Киев в одной связке с Задоркой. Тогда ему не приходилось бы думать, мучительно разбираться, что происходит, и пытаться угадать будущее. Пленник не имеет своей воли, холоп не взрослеет. Он может иметь детей, но никогда не станет отцом. Отцом ему и его детям всегда будет хозяин.

Со своими вместе даже в полоне, видно, легче, чем одному на воле... И все казалось, будто он оторвался от своих случайно, как в лесу заплутал, а вот сейчас выбредет на верную дорогу – найдет своих и опять все пойдет ладно... От мысли, что ничего уже не поправить и прежней жизни не вернуть, жить дальше не хотелось вовсе.

За этими мыслями Берест не заметил, как добрался до места. Рощуки – весь из десятка разбросанных по горюшке меж оврагами дворов – выглядели неповрежденными. Бабы трепали лен, мужики молотили рожь. Кое-кто заметил сверху чужой челн у реки, но большого оживления это не вызвало. Здесь ничего еще не знали.

Вытащив на берег челн, пошли сразу к гумну, на перезвон цепов. Такой простой звук, такой знакомый, веселящий душу. Цепы звенят – значит, урожай собран, будет зима и осень с хлебом. Пиво варить, молодцев женить... И день выдался такой ясный – Берест только сейчас заметил, что идет под ярким солнцем и в чужой свите, слишком для него широкой, даже жарко. Берест подавил вздох. Малинское гумно сгорело – и цепы, и снопы... Негде на свадьбах плясать.

Да и пора ему уже бросить мысли о женитьбе. К чему шапку шить, когда головы нет?

И хорошо, что он даже не успел узнать, красивая ли она...

Завидев гостей, весняки оставили работу, с удивлением столпились вокруг. Берест кое-кого из здешних знал в лицо – их старейшина, Хотимир, порой наезжал к Гвездобору. И с ним вместе погиб на страве... И снова стало жутко от мысли: Ольга киевская одним ударом проредила лучших мужей по всей земле Деревской! Берест сам видел тела, но теперь осознавал, как глубоко, как далеко разлился яд от того удара. Куда ни приди – везде печальные сряды белеют.

Новый рассказ получился дольше: пришлось поведать не только о разорении Малина, но и о неудачной попытке отбить полон. О двух покойниках: Молчане и Ярце. Весняки слушали, на глазах меняясь в лице. По глазам было видно: каждый примеривает на себя и свое селение. Губы шевелились, вознося молчаливую благодарность богам и чурам. Что стоило русам проехать от брода чуть севернее!

– Вот вам... боярыня-то киевская, – качнул головой какой-то здешний дед. – Я тогда еще Гвездяте говорил: не тронь чужих женок, и твою не тронут. Да он себя самим Перуном стал почитать.

– Малинцы нам воли от руси искали, – возразил Ладовек. – Или вам нравилось дань платить, дедов позорить?

– Уж лучше бобрами платить, чем кровью, детьми своими! Вот теперь и взяли – не по белке с дыма, а головами человеческими!

Местные значительно переглядывались, явно думая о чем-то своем, не известном гостям.

У Ладовека здесь была родня, и их отвели к Плескачу – поест и передохнуть. Мужики остались на гумне, и вслед вестникам сразу же понесся шум горячего спора. Берест невольно глянул на Ладовека, тот – на него. Старейшине было не к лицу держать совет с отроком, но Ладовек слегка развел руками, словно говоря: вот, и эти теперь спорят! Пусть бы хоть их Сварог и Перун наставили на ум! Однако пережитое Малином и Здоровичами едва ли наполнит чье-то сердце ратным духом...

Плескачова женка собрала на стол: поставила горшок похлебки из репы, соленых грибов и поджаренного на льняном масле лука с мукой. Уже был свежий хлеб-новина. Пока гости ели, хозяйка отыскала косяк изгребины – покрыть тела для дороги. Засиживаться Ладовек с Берестом не могли – близ переправы их ждали свои с двумя покойниками, а еще предстоял обратный путь до Здоровичей, успеть бы к ночи. Поклонились хозяйке в благодарность за хлеб и пошли с Плескачом к челноку.

А возле челнока их ждали – Нетеша, нынешний рошукровский старейшина, и с ним еще двое весняков. У Береста сердце оборвалось: что это такое? К чему такие проводы?

– Вы ведь князю весть послать думаете? – начал Нетеша, здоровенный, полноватый мужик с рыжеватой бородкой на мясистых щеках.

– Придется, – ответил Ладовек.

– От нас гостинчик ему передайте.

– Гостинчик? – Ладовек удивился, как будто ему посреди поля битвы совали печеных «жаворонков» в ветошке. – Что такое?

– Да вот... – Нетеша переглянулся со своими родичами. Вид у всех был недовольный. – После того побоища... когда Маломир с Гвездобором волка нашего киевского подстерегли... отроки глупые вздумали идти на реку нырять, – он бросил взгляд на какие-то избы, где, видимо, жили озорники. – Да и выловили рыбу – золото перо. А нам такого пера не надобно. От таких перьев одни беды заводятся. Они вот, – он показал на Береста, но обращался к Ладовеку, как к старшему, – малинские, вздумали боярыню киевскую у себя держать, вот им как боярыня аукнулась. Про нас прознают – беда будет похуже той. А нам не надобно. Пусть князь у себя хранит. Ему боги помогают.

– Ты о чем речь ведешь? – Ладовек его совсем не понял. – Что за басни? Какая еще рыба?

– Да вот она, – Нетеша кивнул себе под ноги.

На песке лежало что-то длинное, локтя с два, но шириной не более ладони, завернутое в плотную серую опону и даже обвязанное мочальной веревкой. На рыбу было совсем не похоже. Палка... Дубинка...

Наклонившись, Нетеша поднял «рыбу» и вручил Ладовеку. Тот принял и взвесил на руках. Тяжело!

– Железо? – он вопросительно взглянул на Нетешу.

– Наверде того.

– Железные рыбы у вас в Тетереве завелись? Не темни, Перемыслич. Что здесь такое?

– Да зачем тебе знать? Свезите к князю, пусть он глядит. А мы велим женкам вам коро-
ваев на дорогу дать.

– Так не повезем. Сказывай, что здесь.

Нетеша мялся, переглядываясь с родичами.

– Или сам вези, – Ладовек снова положил «рыбу» на песок. – С короваями своими.

Охота была брать вещь, которую Хотимирова чадь не хотела держать у себя, ожидая от нее бед! Будто малинцам невзгод не хватает!

Нетеша взглянул ему в глаза, тяжело вздохнул, с усилием наклонился через круглое брюхо и принялся развязывать веревку. Его родичи вертели головами, будто ждали подхода беды прямо сейчас. Берест не лез вперед, но с любопытством ждал обещанной «рыбы». Что там такое выловили здешние отроки в Тетереве?

Развязав веревку, Нетеша осторожно развернул вотолу... и Берест невольно охнул от изумления. Рядом потрясенно вздохнул Ладовек. На серой вотоле среди песка лежала сама молния, остро и ярко блиставшая под лучами осеннего солнца.

Это был меч – один из тех русских мечей, коими земля Деревская много лет держалась в неволе. Полоса железа чуть поуже ладони – серая, с густо лежащими черноватыми разводами. Глубокий дол, почти до того места, где клинок чуть сужался к скругленному концу, ближе к рукояти – «пятно», с десятков выбитых в железе черных неведомых знаков. Два острых лезвия по краям – и смотреть страшно, как бы глаз не порезать. Сама рукоять была из хорошо обработанного дерева – вроде бы дуба, зато навершие, похожее на шапку с круглым верхом или половинку яблока, и перекрестье были покрыты сквозным узором из литой бронзы с позолотой. Меч недолго пробыл в воде – может быть, лишь несколько дней, и ничуть не пострадал. Нетеша говорил что-то, показывал, в какой стороне отроки ныряли тайком от старших, как потом прятали находку на гумне, боясь показать и не решаясь расстаться с таким сокровищем... Берест едва слушал, не в силах оторвать глаз от меча. Со здешней молодежью он не водился, но хорошо понимал ныряльщиков, не убоявшихся холодной осенней воды. Они в Малине тоже слышали, что меч Ингоря в том бою пропал – тело киевского князя вытащили на берег с пустыми руками. Но даже не стали жалеть – боги взяли свою плату за победу, и хорошо. А здешние, зная свою реку и что куда она уносит, решили попытать счастья. И река вернула не нужное ей оружие.

– Жирята, вон, пошел снопы проверять, увидел мышь, стал разгребать, да и нашел! – рассказывал Нетеша.

– Не мышь то была, – качнул головой Ладовек, не отрывая глаз от находки.

– Да уж ясное дело.

– И ты хочешь мне это отдать?

– У себя не хочу держать, – Нетеша замотал головой. – Если за воеводскую женку Малин разорили, то за Ингорев меч нас всех... на клочки разорвут! До пса последнего. Не надо нам этого! Пусть у князя будет. Ему боги помогают!

Берест глубоко дышал, пытаясь справиться с волнением. Нетеша уже заворачивал меч снова в опону и перевязывал веревочкой, а Берест все не верил, что дальше эта пойманная молния Перунова поедет с ними. В этом вот сером осиновом челне! Будто и правда рыба щука!

Это было не просто оружие. Это было невиданное чудо. Как если бы Солнцева Сестра обронила свое веретено золотое, а простая девка шла по лугу и нашла. Осколок Занебесья, почти немыслимый на земле. Не стоило даже думать, сколько может стоять меч русского князя. Для таких вещей не существовало цен. Как измерить его ценность в коровах, в локтях тканины, в коробах жита? Пусть даже в бобрах. Все равно что солнечный луч на бобров оценивать.

Меч так и стоял перед глазами. Частичка совсем другой жизни.

– Вот так... случай... – Ладовек все не мог решиться. – И правда, что ли... взять?

Он глянул на Береста. Не смея открыто кивнуть, навязываясь со своими советами старшему, тот невольно сделал знак глазами: да! Ведь Ингорев меч боги послали! Будто плату за потери...

Видя огонь в глазах отрока, Ладовек усмехнулся.

– Чего радуешься? – негромко сказал он, пока Нетеша укладывал меч в челнок. – Ты ведь его в Искоростень и повезешь.

– Я? – Берест чуть не сел.

– А кто же? Баба Лытуша? Мне недосуг, а более у вас в Малине бойких и справных не осталось. Ты же был в Искоростене.

– Так я... то... княгиня...

– Князя уведомить надо. Я тебе даже лошадь дам. Своих-то не осталось ни одной?

– Всех свели... – Берест вновь помрачнел и отвел глаза.

– Световекову внуку я лошадь доверю. Ты отрок честный и неробкий... уж показал себя.

– Да чего я показал...

Похвала Береста не обрадовала, а, напротив, пристыдила. Они ведь так никого и не спасли. Только потеряли двоих: из малинцев – дурня Ярца, а из Здоровичей – того молчаливого стрелка.

– Пока не густо нам счастья выпало...

– До сего дня – да, не густо. А вот дальше как пойдет... – Ладовек проводил глазами уложенный на дно челнока меч. – Может, нам боги как раз счастья и послали. Ты его Володиславу отвезешь. Гляди, не оброни! – попытался он пошутить. – Считай, доля всей земли Деревской у тебя в руках будет.

* * *

Когда Берест выводил Ладовекову лошадь из ворот, перед соседней избой стояла стайка баб и девок. Вьюха и Межак на двух одолженных Здоровичами челнах уже повезли тело Ярца и живого, слава чурам, Липняка вверх по Ирше до Малина, а Бересту предстояло ехать по берегу верхом. Он рассчитывал по дороге успеть раньше них. Ему предстояло первому увидеть, что там в Малине теперь... При мысли об этом сердце обливала жуть, смешанная с нетерпением. Ничего хорошего его там ждать не могло – но уж узнать бы поскорее, что именно...

Выслушав прощальные наставления Ладовека, уселся в седло. Не так уж ловко пока получалось – Ладовек придерживал лошадь. Как справился с той киевской лошадью, когда прыгнул на круп с балки гумна, – сам теперь диву давался. Будто чужая сила тогда в него вселилась. Чуры помогли. А теперь, проведя двое суток на ногах, выжав из души и тела все силы без остатка, Берест был как истрепанная ветошка.

А ничего ведь не закончилось. Только начиналось.

Подобрав поводья, случайно взглянул налево – на стайку баб. С краю стояла девка – среднего роста, с русой косой, перекинутой на плечо. В «полной печали», как и две бабы возле нее. Стояла, уронив руки, и смотрела на него. И в ее голубых глазах, широко расставленных на миловидном округлом лице, Берест вдруг увидел всю жизнь свою – и прошлое, и загубленное будущее.

Поймав его взгляд, девушка отвернулась. А он тронул коня и поехал к броду – переправляться на ту самую Киевскую дорогу. Но взгляд голубоглазой потянулся за ним. Не то чтобы она смотрела ему вслед. Берест не знал: может, она смотрит, может, нет. Но ее взгляд будто покоился на нем, опускаясь с самого неба, норовя залить этой чуть разбавленной голубизной все пространство в душе.

С дальнего двора слышался многоголосый плач – над тем молчаливым стрелком, что жизнью заплатил за одну лишь попытку отбить малинцев. Не только Ладомеровы домочадцы теперь в «полную печаль» оделись. Так что, может, это вовсе и не она была. А может, и она. Ей-то сказали, за кого собрались было вести в Малин...

Но что теперь? Сговор тот остался в сказке, что давно закончилась. Решил же не думать.

Берест ехал по дороге, навстречу следам ушедшего отряда. Навстречу заполнившим всю ширину грязной дороги отпечаткам копыт, лошадиных и коровьих, и человеческих ног. Они, пленители и пленники, и сейчас еще шли где-то между Тетеревом и Здвижем, с каждым шагом удаляясь от дома и приближаясь к Киеву. Всадник на добром коне от Малина до Киева доберется в два дня, а бабы и коровы брести будут дней пять. Но теперь они все равно что на том свете. Больше не догнать. В жизни земной не свидеться.

Не верилось, что с разорения Малина идет лишь третий день и русы, приведенные Свенельдичем-младшим, даже не успели доставить свою добычу в Киев. Казалось, это было сто лет назад... и не с ним самим было, а дед Мирята сказку сказывал про удалого молодца и Змея Горыныча. Но из этой сказки ему не выбраться. Змей промчался над Малином, все мертвы лежат, и нельзя вернуться из той жуткой сказки к обычной жизни, лишь тряхнув головой и опомнившись.

К седлу, будто осколок Перуновой молнии, был привязан меч Ингоря киевского, для надежности закутанный в мешковину.

Часть вторая

Лют явился в Киев гордый, как шестилетний малец, впервые наловивший карасей и притащивший их на прутике к материнской печи. Как девчонка, набравшая лукуно боровиков больше себя величиной. Набег прошел удачно: взяли полон почти полсотни человек, почти два десятка коров, не считая свиней и коз. А потери – один раненый оружник и одна раненая лошадь, но Свейн пересел на свободную лошадь Асбьёрна, пока тот ехал на возу. Все прошло гладко, не считая мелкой стычки у брода через Тетерев – но там в зарослях сидели всего пять-шесть смердов с луками, которые и по две стрелы не успели выпустить по передовому дозору, как пустились бежать. Олстен Гусляр клялся, что подбил одного сулицей, но искать тело в кустах Лют запретил – не бобер чай, шкуры не снимать.

Толпы сбегались на улицы посмотреть на первую добычу грядущей войны, и Лют изо всех сил сжимал губы, чтобы не улыбаться во всю ширь лица. Но счастливый задор бил из глубоко посаженных глаз, серо-зеленых при ярком свете дня.

Это был его первый взятый с бою полон и скот. Поскольку оружники были не его, а брата, то Мистине полагалась половина той части, что следует вождю, когда будет выдана награда отрокам. Лют понимал, что богатый брат не нуждается в малинском тряпье и девках, но тот не собирался портить ему торжество пренебрежением к добыче. Челяди на Свенельдовом дворе хватало и полон решили продать жидинам из Козар.

– Оставь себе пару девок, если хочешь, – предложил Мистина. – Они твои, имеешь право.

Лют ненадолго задумался. Такое не считается настоящей женитьбой, но, имея собственных челядинок-наложниц, он отроком зваться уже не будет.

– Некогда мне с ними возиться, – он улыбнулся и помотал головой, не в силах скрыть торжества. – Вся война впереди, я себе получше найду!

Среди малинских девок, строго говоря, посмотреть было не на кого: малорослые, худые. До них ли ему, когда на него теперь таращат веселые глаза боярские дочери в серебряных уборах?

Назавтра пришел Шемуэль бар Яир, имеющий хорошие связи среди рахдонитов, осмотрел полон и стал торговаться. Полон тем дороже, чем дальше увезен от родных краев. У сарацин, как рассказывают, невинная светловолосая дева стоит свой вес в серебре, то есть это будет восемьсот с чем-то гривен! В сто с лишним раз больше, чем в Царьграде дадут! В сарацинских странах, за Гурганским морем, Лют не бывал и считал это купеческими байками, но что в Царьграде девушка или юноша стоят по десять золотых номисм, то есть по семь гривен, знал хорошо. Человек средних лет идет подешевле – за восемь златников, пожилой или ребенок – за пять. Здесь же Шемуэль, отлично знавший, что Свенельдичи хотят поскорее сбыть товар с рук, предложил всего по две гривны за дев и отроков. Упирая на то, что пленники здоровы и не измождены, Мистина выторговал по три гривны за самых дорогих, по полторы – за средовеков и отроков до пятнадцати лет. Шемуэль уступил: ему неумно было ссориться с воеводой, который, если будет на то воля Всеблагого Бога, зимой приведет еще сотни пленников.

– Я так понимаю, ни одной невинной девы там не осталось? – усмехнулся хазарин в свою редкую степняцкую бороду. – При таких-то удалых молодцах... Мне прислать старую Нааму проверить или сами признаетесь?

Стоявшие вокруг оружники стали ухмыляться в ответ. За пять дней обратного пути у них было время взять долю своей законной добычи, которая, хоть и имеет известную стоимость в серебре, никак не может быть отдана назад. На продаже невинных дев они заработали бы больше, но жажда мести мятежному племени была так сильна, что, как сказал Асбьёрн, он бы съел этих девок, если бы только мог.

– Ну, что будешь делать со своей долей, недорезанный? – смеялись оружники, подталкивая Асбьёрна локтями. – Новую секиру себе закажешь, да ведь?

– Да я... да если я встречу того черта... я ему глотку порву вот этими зубами! – сипел Асбьёрн, бывший хирдман Ингвара.

Старая секира была ему дорога не только стоимостью, и было очень стыдно лишиться ее из-за какого-то сельского мокрохвоста!

Асбьёрн еще носил повязку на горле поверх длинного, но, к счастью, неглубокого пореза. В миг удара он успел опустить подбородок, и лезвие ножа скользнуло по бороде. Борода понесла урон, и за это Асбьёрн тоже был очень зол.

– Ему понадобилась твоя борода, потому что своя еще не выросла! – смеялись оружники.

Теперь они могли смеяться – к ним вернулся хотя бы один из двух потерянных стягов. В самый день приезда Лют, уже в сумерках, отнес его в княжью гридницу и при всей дружине передал Эльге. Она обняла его и поцеловала, припала к плечу, не сдерживая слез. До того она мало знала Свенельдича-младшего, при редких встречах лишь посматривала на него с любопытством: ее забавляло его большое сходство с Мистиной, хорошо заметное ее женскому взору. Но вот он доказал, что сходство это не только внешнее. Как ей сейчас нужны были такие люди! Она отомстила за кровь своего мужа, лишив жизни его убийцу, но сколько еще предстояло сделать до того дня, когда честь руси будет восстановлена полностью, а влияние ограждено от посягательств. Каждому из бывших с Лютом оружников она от себя подарила по скоту, а ему самому – витое золотое колечко. Он надел его и поцеловал, весело глядя на княгиню. Видел бы его сейчас отец! Молчал бы, усмехался, а в глубине сердца гордился младшим отпрыском.

Назавтра к вечеру Шемуэль пришел забирать полон.

– Что у тебя – скоты или ногаты? – Мистина взглянул на высыпанную посреди стола кучу серебра. – Будем считать или взвешивать?

– Взвешивать, – жидин достал весы и мешочек с гирьками. – Здесь то и другое впере-мешку. Слишком много в последние годы привозят тяжелых скотов, уж могли бы сарацины наконец навести у себя какой-то порядок в этом важном деле!

В былые времена все привозимые от сарацин серебряные скоты были равны по весу, и для получения гривны серебра требовалось лишь отсчитать двадцать скотов. Но в последние годы стали привозить более тяжелые, и серебро приходилось перевешивать. Дирхемы правильного старинного веса называли ногатами, и часто, набрав их два десятка, пробивали и нанизывали на крепкий ремешок. Но таких «связанных» гривен у Шемуэля нашлось только три, а остальную кучу серебра понадобилось взвесить, причем дважды: на весах покупателя и на весах продавца, чтобы не было споров.

Все это заняло немало времени. Но вот жидин удалился, уводя полон, а после его ухода на столе, где с двух сторон сидели оба брата Свенельдичи, осталась россыпь серебряных скотов и ногат. Отсюда вождям предстояло взять десятую часть, чтобы поделить остальное на двадцать частей.

– Отвезли бы мы их сами в Царьград, вдвое больше получили бы! – Лют повертел в пальцах потертую ногату. – Ну да кляп с ними! К весне у нас полону будет столько, что Тородд умается лодьи долбить!

Он смотрел на кучку серебра так, будто надеялся взглядом заставить ее вырасти в десять раз. А лучше в двадцать. Лют не раз видел и держал в руках куда больше и серебра, и золота – после сбора деревской дани Свенельд отправлял с ним в Царьград или Самкрай сотни кунных шкурок, из которых каждая стоит две с половиной ногаты, или бобровых – на ту же цену пара. Но сейчас перед ним лежали его собственные скоты, честно взятые с добычи.

– Не тужи, что пока не много, – Мистина легко угадал его мысли. – Я в свой первый поход – на уличей – пошел когда-то с отцом. И когда я взял свою первую добычу, ее взяла отцова удача, не моя. А это – твоя. Она у тебя есть. Это доказано делом. Ты привез добычу

и не потерял ни одного человека. Ты начинаешь приобретать славу удачливого вождя, и вот увидишь – к тебе начнут проситься.

Он оказался прав: едва по Киеву разошлось известие об ударе Свенельдича-младшего на Малин, как появились отроки – сыновья русов и полян, кто желал наняться к нему. Пока Лют был вынужден им отказывать: его средств не хватило бы дать им оружие, а пользоваться щедростью брата он не хотел. Но славы ему досталось: приходя к Мистине выпить пива, старые Ингваровы хирдманы и бояре киевские смотрели на него с одобрением и не жалели похвал. Лют понимал: они хвалили бы каждого, кто сумел бы хоть как-то пощипать древлян. Но он не упустил подброшенный судьбой случай, а этим и правда можно было гордиться.

Через день, утром, когда Лют во дворе еще обменивался последними ударами тупого топора с Алданом, братовым десятским, Мистина вышел из избы и окликнул его.

– Держи, – он вручил Люту меч, один из своих, с рукоятью черного дерева, с серебряным набором, с узором из черненых мелких отверстий на яблоке и перекрестье. – Поверти. Привыкай к весу. Алдан покажет. Как привыкнешь, будешь прутья рубить.

И уехал с четырьмя телохранителями на княжий двор, где проводил часть всякого дня. Лют ошалело смотрел ему вслед, ощущая в руке непривычную тяжесть меча. Потом взглянул на него, как на живое существо, с которым предстоит познакомиться и – очень важно – подружиться.

Мистина хочет, чтобы к тому дню, когда младший брат получит собственный меч, он уже умел им пользоваться. Меч ведь берут не для того, чтобы неумелым обращением опозорить дорогое и благородное оружие. И вот эта его вера в грядущий успех была Люту дороже, чем куча серебра хоть во всю избу.

* * *

Не все в Киеве обрадовались успеху Свенельдича-младшего. «Привыкай, – улыбнулся Мистина. – Так весь век и будет».

Лют мог бы радоваться тому, что у него теперь имеются завистники – слава богам, есть чему завидовать. Однако дело оборачивалось худо. Мистина рассчитывал, что успех одного из Свенельдовых сыновей притушит недовольство среди киевской знати, но ошибся.

– Поедешь со мной к Эльге? – спросил Мистина утром, дня через три после победоносного возвращения брата. – Она сказала, у бояр есть к нам разговор.

По лицу его Лют сразу угадал: разговор неприятный. И Мистина сказал «к нам», а не «ко мне», как оно, скорее всего, и было. Поэтому Лют сразу кивнул, хотя сам лучше бы остался и еще повертел мечом. Он восхищался ловкостью, с какой своим оружием владели Мистина, Альв, Ратияр, Алдан... За клинком в их руках порой было невозможно уследить – так быстро он двигался, казался летучим змеем из железа, которого человек лишь поймал за бронзовую голову и едва удерживает близ себя. У троих старших Свенельдовых оружников тоже были мечи; подражая им, Лют еще в детстве играл палкой навроде этого: вращая кистью, вращая локтем, перед собой, сбоку, над головой, за спиной, перебрасывая из руки в руку... В обращении с палкой и с деревянным детским мечом он достиг немалой ловкости, но настоящий меч – это другое дело. Он казался живым, в нем была часть души хозяина, и Лют жаждал, чтобы у него в руках поскорее оказался не братов, а свой собственный меч – верный спутник будущих битв до самой могилы.

Но сейчас он без лишних слов поднялся и взял с ларя свой новый белый кафтан – заботливая Ута приготовила для деверя «печальную сряду» еще до его приезда. По лицу Мистины он видел: сражаться приходится не только в ратном поле, сражения бывают и без оружия. И самые опасные их враги, надо думать, не в Малине сидели...

Он невольно глянул на стену, где висела его секира, но Мистина коротко мотнул головой:

– Я ничего не беру.

В своем городе, в мирное время, воевода не нуждается в оружии. Ну а телохранителям его положено иметь при себе по должности...

Сегодня Ута, причесывая Люта, впервые собрала ему волосы назад и связала ремешком, чтобы не лезли в глаза – для этого они достаточно отросли с весны. Взглянула ему в лицо и удивленно покачала головой. У Свенельдича-младшего лицо было более вытянутое и худощавое, чем у Мистины, но сейчас, когда волосы его не заслоняли, сходство со старшим стало бросаться в глаза. Лют живо вызвал в ее памяти двадцатилетнего Мистину – каким она его узнала близ своего родного дома у реки Великой, почти пятнадцать лет назад.

– Ты совсем уже вырос, – выдохнула она, впервые увидевшая Люта трехлетним дитятей.

И сама себе усмехнулась: только сейчас поняла? Сейчас уже он легко поднимет ее на руки, но не она его.

Когда сыновья Свенельда ехали по улицам к княжьему двору – оба в белых «печальных» кафтанах из тонкой фризской шерсти, с серебряным позументом на груди, в синих плащах с шелковой полосой по краю, – люди разглядывали их, почтительно кланяясь, и потом смотрели вслед. За последние лет пятнадцать Мистина Свенельдич добился в городе уважения как никто другой; следуя за ним с отставанием на конскую голову, Лют гордился им, но и чувствовал, что после набега на Малин вполне достоин держаться рядом.

В княжеской гриднице было многолюдно. На длинных скамьях вдоль стен сидели с одной стороны, как еще при Олеге Вещем было заведено, старейшины крупных родов, проживающих в Киеве и в окрестностях, а напротив них – бояре-русины, потомки Олеговых хирдманов. С одной стороны – земля Полянская, а с другой – вооруженная русь, почти столетие назад взявшая над ней высшую власть.

С удивлением Лют приметил среди русов не только Ивора – тот со своими четырьмя сотнями из Вышгорода давно уже был в Киеве, – но и Тормара витичевского. Почему Тормар оставил свою крепость, ради чего явился в Киев?

Ближе всех к княжескому престолу на возвышении сидели двое: рослый мужчина с седой бородой – Олег Предславич, родной внук Олега Вещего, бывший киевский и бывший моравский князь. Сейчас он был лишь изгнанником, а благодаря родству с деревскими князьями привез Эльге весть о гибели мужа и сватовство Маломира. В кровавой страве он не участвовал, ссылаясь на то, что Володислав – его зять, но сохранял и при Эльге все права близкого родича. Рядом с ним сидел красивый собой, рослый молодой мужчина с рыжей бородкой и длинными, заплетенными в косу рыжими волосами – Пламень-Хакон, или Акун, как его звали славяне, родной младший брат Ингвара.

Возле них оставалось свободное место для воеводы. Мистина прошел туда, на ходу здороваясь со всеми; четверо его телохранителей остались у дверей, среди других таких же, а Лют без раздумий сел на пол возле ног брата, как с детства привык сидеть возле ног отца. Уселся и окинул лица вызывающе-веселым взглядом: ну, кто на нас? На него смотрели с любопытством. Многие хотели знать, как Мистина поступит с сыном Свенельда и челядинки, став ему «в отца место» – оттолкнет или приблизит? Впрочем, прими Мистина другое решение, показал бы себя глупцом, а за глупца его не считали даже самые ярые недруги. В одно лето Мистина потерял отца-воеводу и князя-побратима, двух ближайших людей, чьей опорой был и на кого сам опирался. Где ему было искать поддержки, как не в другом сыне своего отца?

Вошла Эльга, и все в гриднице встали. Она была в белом – белое платье, белый хенгерок с серебряными застежками на груди, белый кафтан, отделанный лишь тонкой полосой белосинего шелка. Ожерелье из крупных жемчужин и смарагдов – очень много лет назад Мистина привез ей его как дар от будущего мужа. Белый шелковый повой обвивал голову и шею. На тридцатом году княгиня была еще так свежа и хороша собой, что затмила бы любую молодую деву.

Скользя взглядом по лицам – никого не пропуская, – и приветливо кивая, княгиня прошла к престолу. Села на левую половину, на обшитую кунным мехом подушку. Правая, мужская сторона, оставалась непокрыта, и на ней лежал позолоченный шлем Ингвара. Эльга сама велела положить его сюда, хотя каждый взгляд на него разрывал ей сердце и вынуждал сдерживать слезы. С этим шлемом сам Ингвар как будто был здесь – но его не было. И не будет больше никогда. Его лицо – с простыми чертами, порой сосредоточенно-нахмуренное, когда он пытался уловить ход уж очень сложной мысли, но решительное и честное, живо стояло у нее перед глазами. Не верилось, что эта бровь, сломанная рубцом от давней, времен войны с уличами, раны, и шрам галочкой возле переносицы, и рыжеватая борода уже много дней как обратились в прах. Никогда больше не будет с ней ее мужа, ее товарища и соратника, с которым они вместе почти двенадцать лет назад взойшли на Олегов стол. Теперь она одна.

Пока не приедет из Новгорода сын и не займет свою половину престола.

Когда Лют встретил взгляд Эльги, ему показалось, будто глаза ее и улыбка на неуловимо краткий миг стали теплее. Словно она тайком выделяет его из всех, как будто он ей ближе и дороже, чем прочие. И поразила красота ее смарагдовых глаз – точно как камни в ожерелье, только ярче. Дрожь пробрала от восхищения. Почему он раньше не замечал, какая это красивая женщина? Был слишком юн для этого?

Невольно Лют коснулся витого золотого колечка у себя на мизинце и оглядел гридницу. Белые кафтаны – как на нем и Мистине, как на Эльге и Акуне – едва не превосходили числом цветные. Более половины гридей из погибших в один час с Ингваром приходились сыновьями, внуками, младшими братьями, зятьями кому-то из бояр, русских и полянских. Общая печаль собрала здесь цвет киевской знати. И она же должна была вскоре повести их в бой.

Чашник поднес Эльге большой турий рог, окованный позолоченным серебром.

– Да благословят боги совет наш, да не оставят нас деды мудростью своей! – с привычным усилием Эльга подняла рог на двух руках, потом поднесла к лицу, отпила немного и передала Пламень-Хакону. – Да примут боги с честью великой дух мужа моего Ингоря и дружины его!

– Да славны будут Перун и Волос, боги наши, – сказал он. – Да примут боги с честью великой дух брата моего Ингвара и дружины его!

– Да славна будет княгиня наша Эльга, – Мистина принял у Акуна рог, – князь наш Святослав, и да примут боги и деды с честью великой дух князя нашего Ингвара!

Все склонили головы. Мистина отпил и передал Тормару. Остальные сели.

Рог неспешно поплыл дальше вдоль скамей. Эльга вновь села и оглядела собрание.

– Прибыл гонец, – начала она, – от деверя моего, Тородда сына Ульва, посадника нашего в земле Смоленской. Он со своей дружиной и Равдан, воевода Станиборов, ведут нам на подмогу три сотни ратников. Решили не дожидаться Святослава с его дружиной, а выступить поскорее. К первому снегу можно их ждать в пределах земли Русской. А вы что скажете, мужи нарочитые? Тормар?

О состоянии витичевских сотен она знала, но хотела, чтобы бояре слышали все сами. После Тормара старейшины родов рассказали, сколько каждый готов выставить и чем ратники будут вооружены. Каждый из этих людей правил родом численностью в несколько сотен голов и мог собрать дружину человек из тридцати-сорока. Ларник возле ее престола – морованин Благомил, царапал бронзовым писалом по воску дощечек, отмечая численность и потребности каждой дружины.

– Я знаю, никто из нас не посрамит памяти Ингвара, когда двинем мы рать на землю Деревскую, старый Олегов уклад защищать, – продолжала Эльга, поглядев на турий рог, что к тому времени уже доплыл до дальнего края скамьи. – Но войско без воеводы – что меч без рукояти. Мистина Свенельдич много лет был воеводой Ингвара, и я себе другого не ищу. Но на днях иные из вас говорили мне, – взгляд ее остановился на Честонеге, – будто не доверяют ему. Скажите сейчас, при мне, при нем и при дружине, – в чем причина? В чем его винят?

Лют подобрался, его глаза, устремленные на боярина, сердито сузились. Честонег был главой старинного и многочисленного рода Избыгневичей; благодаря отцу он вошел в свойство с самим Вещим и сейчас считался сватом княжеской семьи. Именно его полянские старейшины снаряжали говорить с князьями.

Честонег оглянулся на сидевших близ него – Войнилу, Видибора, Дорогожу – и поднялся. По виду полянские бояре уже мало отличались от русских: надевали такие же кафтаны с отделкой из греческого шелка, лишь пояса у них были тканые, а не кожаные с бляшками, какие оружники добывали у противников – хазар и печенегов.

– Не я говорю – земля Русская говорит, – начал Честонег. – Деды наши в свои времена отдали власть над собой Олегу Вещему. Мы, мужи полянские, внуки их, приняли Ингоря. Не все меж нами гладко шло, боги видят, но мы от своего слова не отступали и по край могилы были ему верны. Его обида – наша обида. В том мы на золоте клялись перед ликами богов и на том стоим. Вот рать собираем, чтобы за кровь его и прав поправление мстить, чтобы сыну его и тебе землю Деревскую вновь в покорность привести. Но хотим знать – нет ли измены близ престола Олегова? Не получит ли деревскую дань тот, кто сам в гибели Ингоря виновен?

Он едва покосился в сторону Мистины, но всем ясно было, о ком он говорит. Лют стиснул зубы и набылчился от негодования. Мистина остался невозмутим: ни один мускул на лице не дрогнул. В чертах его отражалось лишь легкое, отстраненное любопытство, будто говорившее: ну, чего я еще не слышал?

– Если боги нас не оставят, с той земли не так много будет дани, чтобы приходилось о ней спорить! – воскликнул Пламень-Хакон.

Всю жизнь это был сдержанный и ученый вежеству человек, послушный сын строгой матери – королевы Сванхейд. Но череда суровых событий минувшего лета ожесточила его.

– Рано пироги делить, пока мука еще в колосе стоит, – Эльга качнула головой. – Когда земля Деревская будет в покорность приведена, кому ею править, решит Святослав, по совету с дружиной.

– Все это лето Свенельдич был в Деревах, – горячо заговорил Себенег, не в силах дожидаться, пока Честонег соберется с мыслями. – Все то лето, пока там черные замыслы вынашивали. И когда Ингоря с дружиной убивали – тоже! Сестрич мой, Собигнев Светимович, с князем голову сложил! Почему ты был с его убийцами? – Он прямо глянул на Мистину.

– Ты знаешь почему, – отчасти устало ответил Мистина. – Себенег, или ты не слышал, как мою боярыню с детьми древляне в полон взяли? Или мало разговоров об этом было?

– Почему Володислав и Маломир вернули тебе семью без выкупа, едва лишь расправились с Ингорем? Не потому ли, что ты им сие сотворить помог?

– Потому что у них хватило ума догадаться, что вы меня об этом спросите! – как ни был Мистина готов к этим разговорам, в стальных глазах его блеснула ярость. Вдвойне подлый замысел Маломира продолжал жалить, когда сам Маломир уже был мертв. – Они убили моего князя, пока я сам в Деревах оставался, и не нужно им было иных средств, чтобы удерживать меня там. Но как только я увидел путь к мести за моего побратима – я не колебался ни мгновения. И тут есть кому это подтвердить.

– Я собрала вас сюда, потому что знаю об этих подозрениях, – подала голос Эльга, и все обратили взоры к ней. – И вот что я вам скажу, мужи русские и полянские, – голос ее немного звенел от волнения, но был тверд. – Я не позволю обвинять Мистину Свенельдича в предательстве. Он свершил свою месть за побратима и мою месть за мужа. Его рукой, его оружием был убит Маломир. Он принес мне кровь из сердца Маломира. Хотите увидеть ее? – Она пристально взглянула на Честонега, потом на Себенега. – Он сделал это за себя и за меня. У меня на глазах. Этот долг я никогда не смогу ему вернуть, но отплачу хотя бы моим доверием. И тот, кто желает его обвинить, пусть сперва совершит нечто не менее великое.

– Месть-то он свершил, – сказал Дорогожа, самый старый из бояр и Волосов жрец, – да как знать, может, он тем самым и видока ненужного с дороги убрал?

– И уверена ли ты, княгиня, *чем* ему обязана? – подхватил Видибор. – Может, вот этим как раз... – Он кивнул на белый подол ее кафтана.

– Но... – Эльга бросила на Мистину отчаянный взгляд, – почему вы вините его? В чем была его корысть?

Сидя довольно близко, Лют видел, что Эльга вся едва ли не звенит от сдержанного волнения, но не понимал его природы. Гнев, негодование? Страх? Зато плечом своим возле колен брата ощущал, что Мистина сам напряжен, как согнутый в кольцо харалужный клинок.

– Нам неведомо, как они там из-за дани деревской после Свенельда разобрались, – с неохотой промолвил Трюгве, один из сотских большой дружины. С Ингваром погиб его сын Радорм, и он, как и другие в схожем положении, не мог оставить без внимания эти подозрения. Его белый кафтан говорил сам за себя. – Что, если кто, – сотский исподлюбя, но прямо взглянул на Мистину, – недоволен остался?

– Слыхали мы еще до жатвы, – крикнул полянин Озрислав, – будто бы и в Свенельдовой смерти не все чисто! Коли правда – то и другой причины искать не приходится! Покон таков: мстит сын за отца!

– Да уж ты бы помолчал! – с досадой прикрикнул на него Честонег сквозь возмущенный гул вокруг. – Что ты, как баба, язык на привязи держать не можешь!

– Так ты сам мне сказал!

Иные не сдержали смеха. Эльга, не скрываясь, прикусила нижнюю губу. На глазах ее выступили слезы от досады и горечи. Что в Киеве ходят слухи, обвиняющие Ингвара во внезапной смерти Свенельда, она знала еще с тех самых пор, как сюда дошла весть об этой смерти. Знала со слов не кого иного, как Честонег. Тогда она не опровергла обвинения прямо, хотя пыталась. Подумала, что если полянам нравится верить, будто князь сам избавил их от Свенельда, то зачем спорить?

И вот чем тогдашняя уступчивость ей аукнулась!

– Если кто винит меня в смерти Свенельда, то это подлая ложь! – Пламень-Хакон вскочил на ноги, и теперь, высокий и стройный, в белой одежде и с ярко-рыжей головой, и впрямь напоминал пылающий факел с рукоятью из льда. – Я не причастен к порче его оружия, и целью того коварства был я сам! Это меня хотели убить Свенельдовы люди, но судьба решила иначе, и боги наказали их, отняв у них такого достойного вождя! Но они не сошли с волчьей тропы предательства, и всех их ждала бесславная гибель! Ты же веришь, что я не причастен? – обратился он к Мистине.

Когда-то они уже говорили об этом – в какой-то избе Малина, куда пришли еще без намерения причинять вред земле Деревской. Третьим при том разговоре был Ингвар.

– Я верю тебе, как собственному брату, – ответил Мистина и встал. – И коли уж, – он медленно положил руки на свой блестящий серебром печенежский пояс, и вдруг стало казаться, что его очень много: он будто заполнил собой всю гридницу, нельзя было смотреть ни на что, кроме него, – коли та змея еще шипит, мне не к лицу уклоняться от боя за свою честь. Раз уж никто никому не верит и все всех подозревают, пусть боги рассудят нас. Если вы, мужи русские и полянские, считаете меня виновным в гибели моего князя и побратима, а с ним и ваших сыновей, то дайте мне соперника из вашего числа. Я буду биться с ним. Хоть до крови, хоть до смерти. И боги покажут, за кем правда.

Повисла тишина. Уже много лет Мистина был лучшим бойцом во всей дружине Ингвара, и в тридцать четыре года не уступил бы тем, кто на десять лет моложе. Он был живым воплощением мужской, воинской, державной мощи, и как раз те люди, что сейчас его обвиняли, лучше всех знали, на что он способен. Ни меча, ни иного оружия, кроме скрамасакса с

белой костяной рукоятью, при нем не было, но это лишь делало его еще более опасным на вид. Заключение в нем самом губительная мощь была важнее железа в руках.

– Но сначала пусть они дадут соперника мне, – с гневом произнес Пламень-Хакон и шагнул вперед. – Ведь если Мистина виноват в смерти Ингвара, значит, Ингвар и я виноваты в смерти Свенельда! Я не потерплю такого попрания чести моего брата и моей! Так и знайте! – он обжег сердитым взглядом полянских бояр. – И я убью того, кто посмеет бросить это обвинение мне в лицо! Кто из вас решится называть меня подлым убийцей?

Никто не отвечал, бояре отводили глаза. Никто не мог повторить позорящего обвинения, глядя в лицо брату покойного и зная, что доказывать поклеп придется с оружием в руках.

– О боги, вразумите этих людей! – воскликнула Эльга. – Я не верю своим ушам! Вы взялись было защитить честь моего мужа, а сами до того договорились, что обвинили его в убийстве бывшего кормильца, почти отца названного! Какой поход в Деревя! Какая защита уклада Олегова, когда вы на лучших мужей поклепы возводите! Мне... перед сыном моим будет стыдно! Он придет, взглянет на дружину отцову, а тут...

Она втянула воздух, не в силах продолжать: на ее смарагдовых глазах ярко блеснули слезы.

– Прости, княгиня, – первым ответил Себег, сколь горячий, столь и отходчивый. – Кто же знал...

– Уж больно дело то смутно, – подхватил Дорогожа, но более мирным голосом. – Хотелось бы правды дознаться, да как бы хуже не вышло.

– А ты погадай, – буркнул Тормар; его простое и ясное лицо сейчас было хмурым и недовольным.

– Все мы, русы и поляне, уже сотню лет одно имя носим – кияне, – взяв себя в руки, продолжала Эльга. – На всех на нас Русская земля стоит. И до тех пор ей стоять, покуда мы заедино. А пустыми раздорами меж собой, да пока еще земля на могиле Ингорева не осела, мы только древлян и прочих врагов своих порадуем!

– Не видать им той радости! – ухмыльнулся Ивор. – Вели-ка, княгиня, пива подать, мы на погибель врагов наших и на славу земли Русской выпьем!

Эльга улыбнулась ему, тайком переводя дух. Положила руку на шлем рядом с собой на престоле. И казалось, сам дух покойного молча взирал на свою дружину верную сквозь отверстия железной полумаски.

* * *

В гридницу внесли столы, бояре принялись угощаться свежим хлебом, жареным мясом, соленой и вяленой рыбой. Челядинки разносили в кувшинах пиво и мед. Все повеселели, зазвучали бодрые голоса, призывы к богам и обещания скорой победы. Многие подходили к Мистине, чтобы выпить вместе с ним, и он, дружелюбно и снисходительно улыбаясь, двигал свою чашу навстречу любой протянутой к нему. Ивор что-то увлеченно толковал Пламень-Хакону, дружески обнимая за плечи.

Убедившись, что всё уладилось и все довольны, Эльга покинула свое место и удалилась из гридницы. Улыбаясь, прошла через двор по мосткам к жилой избе. И лишь у себя, когда никто не мог ее видеть, она убрала улыбку и закрыла лицо руками. Потом села на скамью; ее пробирала дрожь. Если бы хоть кто-нибудь из этих псов наряженных... то есть мужей нарочитых... упомянул о том, в чем Мистина *в самом деле* был виноват перед покойным побратимом, она бы умерла на месте!

Кто бы знал, чего ей стоило задать свой главный вопрос! И какого ответа она страшилась! Как никому другому ей было известно, отчего у любого на месте Свенельдича-старшего была бы причина желать Ингвару смерти. И так же хорошо она знала, что он этой смерти не желал.

Сегодня они прошли по краю пропасти – в который уже раз. И это в ту пору, когда вся держава русская под угрозой. Лишь боги могут уберечь от гибели и Русь, и ее князей. Кроме богов, над ними никого нет.

А судьба будто назло заставляет ее отказываться от главной опоры – именно сейчас, когда поддержка советом и делом нужна ей, княгине киевской, как никогда.

Он не придет сюда. Ума хватит держаться подальше. А если придет, она велит его не выпускать. Как бы ни было ей из-за этого тяжело...

* * *

Когда Свенельдичи приехали наконец домой, на языке у Люта вертелись десятки вопросов. Он был возмущен, но и отчасти озадачен. Мистина, которому полагалось возмущаться еще сильнее, был скорее озабочен; временами он стискивал зубы и в глазах его вспыхивала ярость, но тут же он делал глубокий вдох и прикрывал глаза, стараясь успокоиться. Все было не так просто, как казалось на первый взгляд; у Люта хватило ума это понять, поэтому он молчал, ожидая, пока брат сам заговорит.

Но когда они приехали на Свенельдов двор и отдали коней, Мистина лишь снял и отослал в избу плащ и кафтан, попутно сказав что-то отроку. Тот вернулся вдвоем с товарищем, оба несли по простому некрашеному щиту и по учебному мечу из дуба.

– Давай, – взяв меч и щит, Мистина кивнул Люту на место напротив себя. – Меч тебе не топор, им сплеча не рубят, и щит с одного удара им не расколешь. Зато он быстрый и ловкий, – Мистина стремительно крутанул рукоять меча в кисти, так что клинок будто своей волей описал размытый круг, держась, однако, за руку хозяина, будто привязанный невидимыми узами, – и жалит, как змей. Это оружие для умелых и ловких. – И приглашающе кивнул: – Бей. Не в щит – попробуй обойти его и попасть в меня.

Вот так Люту досталась опасная честь, которую не приняли мужи нарочитые: встать против Мистины Свенельдича с мечом в руке. Но никто на свете не обрадовался бы этому случаю сильнее.

* * *

В этот вечер Лют пошел спать весь в синяках, но очень довольный. Брат нещадно гонял его по двору, хотя Лют видел, что тот, более рослый, мощный и опытный, действует в половину своей силы. И ему в голову не приходило обижаться: эта наука постигается через боль. Тебя бьют, и много бьют, а когда тебе это надоедает, ты приучаешься не делать ошибок.

Наутро он надеялся продолжить, но Мистина, когда служанки убрали посуду, лишь кивнул, приглашая его остаться за столом.

– Идите к матери, кошечки, – велел он дочерям и вслед затем свистнул телохранителю: – Посиди под крыльцом. Я занят.

Это означало, что в хозяйскую избу нельзя допускать никого – даже боярыню. До сих пор Лют был в числе тех, кто в таких случаях оставался по ту сторону двери. Сейчас сосредоточился: надо думать, Мистина хочет поговорить о вчерашнем обвинении и о том, как им быть дальше.

Но речь пошла совершенно о другом.

– Слушай... – Мистина прошелся по избе, потом снова присел к столу. – Сбили меня с толку вчера эти желваки бородатые, жабу им в рот... Чуть про самое важное не забыл.

Лют выразительно приподнял пушистые брови. Что может быть еще важнее?

– Гонец пришел вчера на заре, Тородд со смолянами вот-вот будет здесь. А он привезет... – Мистина пристально взглянул брату в лицо. – Ты знаешь, что он привезет?

Лют похлопал глазами: опять он как глупый отрок. Что такое он должен знать?

– Видишь ли, – Мистина тоже двинул бровями, отыскивая осторожные, но ясные подходы к делу, – отец погиб слишком внезапно... это по-всякому горе, но с его смертью оборвалось много разных дел, которых он никому не успел передать. И я не знаю, чем и в какой мере он делился с тобой. Я знаю, что он доверял тебе, что ты парень толковый и верный родовой чести. Но здесь дело такое... что о нем на всем свете знает столько людей, сколько пальцев на руке.

Взгляд Люта ясно говорил: он в число этих осведомленных не входит. Впрочем, Мистина не удивился. Брат все-таки еще слишком юн, чтобы отец, сам будучи в силе и в ясном уме, стал с ним делиться без нужды.

– Сейчас я тебе расскажу, что знаю. А ты потом расскажешь мне, знаешь ли хоть что-нибудь. Здесь любая мелочь может пригодиться. Но ты ведь понимаешь...

Лют понимал. Он еще не знал, о чем речь, но знал, как ведутся дела, требующие таких подходов. Поэтому без напоминаний поднял руку ко рту и выразительно поцеловал свое новое золотое колечко. «Да буду я рассечен, как рассекаются золотые кольца вождем для награды дружины, если окажусь недостойн доверия...» Это самое колечко свили когда-то из кусочков золотой проволоки, оставшихся после разрубания более крупного кольца или обручья.

– Прошлой зимой Сигге Сакс ездил в Плеснек продавать паволоки, – начал Мистина.

Лют кивнул: помню. Так шло уже не первый год. Весной люди Свенельда – в последние годы это были сам Лют и при нем для совета Евлад и Бер – отвозили в Царьград меха и воск деревской дани, покупали взамен паволоки и коприны, привозили их на Русь, а зимой Свенельд отправлял их на запад. Через земли древлян – в Плеснек к бужанам или Волынь – волынянам, оттуда – к лендзянам, далее к вислянам в город Краков, оттуда – к морованам в Прагу, а оттуда – в Баварию. А бавары по Дунаю увозили греческие шелка еще дальше на запад, где в них одевались знатные саксы, швабы, корляги. Этот торговый путь, весьма древний, был вымощен если не золотом, то уж точно серебром, и обладание частью его стоило дороже, чем вся деревская дань. Оттуда текли богатства в Свенельдовы лари, поэтому у воеводы имелось так много завистников и в Деревях, и на Руси. Понимая это, Лют вчера возмутился, но не удивился: как день ясно было желание бояр использовать любой предлог, лишь бы утопить Мистину, в котором видели преемника старого воеводы и наследника его достояния.

– И встречался он там с некими мужами из города Регенсбурга, что на Дунай-реке, – продолжал тот. – Были те мужи посланцами Генриха, нового герцога Баварского. Желает, дескать, он, Генрих, ради любви и уважения поднести великий дар брату своему, Отто кейсару, что ему года три назад отдал Баварию во владение. Хочет он, чтобы у брата его Отто кейсара был мантион из белых горностаев с черными хвостиками. И если кто ему доставит пять сорочков горностаев, то он расплатится с благородной щедростью.

По лицу младшего брата Мистина ясно видел: Лют слышит о горностаях для Отто кейсара в первый раз. Плохо, ну так что же... Это только дедам жидинов козарских их бог какую-то кашу прямо с неба в чисто поле посылал, Манар Коген когда-то рассказывал...

– И Сигге с теми баварами условился, что привезет горностаев в нынешнюю зиму. И тут же гонца послал к отцу, а тот – к Анунду на Волгу. О цене договорились. Нынче осенью Анунд через Тородда, через смолян, должен товар прислать. И Тородд уже на подходе. Отрок от него мне передал поклон, – Мистина помахал простой веревочкой с пятью узлами, – а стало быть, товар при нем.

Лют внимательно слушал, стараясь все усвоить. С горностаями он еще ни разу дела не имел: от славян возили бобра, куницу, белку, зайца, но черную лису, соболя и хороших, дорогих горностаев доставляли от Анунда конунга с Волги, а тот их получал из каких-то вовсе неведомых краев – не то от бярмов, не то прямо из Йотунхейма. Зато Люту было известно, что знатью западных стран горностаи ценятся высоко и стоят там свой вес в золоте.

– Но это все, что я знаю, – закончил Мистина. – А теперь чего я не знаю. Где назначена встреча с баварами? Генрих ведь тоже не дурак, чтобы трубить о таком сокровище на весь свет. Он ведь не будет поручать это дело проезжим жидинам и пошлет своих верных людей, так?

– Надо думать, так, – Лют кивнул.

– Ой как нам надо думать! – Мистина pokrutil головой. – Тут есть о чем. Мы не знаем, куда должны приехать эти бавары. И когда. Известно только, что нынешней зимой.

– Едва ли отец такое дело в незнакомом месте затеял бы. В Волинь наши не ездили. Только в Плеснеск. У нас же с Етоном докончание... ты знаешь, – Лют усмехнулся. Стараниями не кого иного, как Мистины, знаменитый договор между киевскими князьями и Етоном плеснецким и был заключен семь лет назад.

– Это скорее всего. В знакомом месте легче извернуться, если что, и там никто тебе не удивится, когда всякую зиму ездишь... Но что за люди приедут? Могут быть бавары, могут саксы. А может, Генрих пришлет морован или ляхов – я не знаю, с кем он в дружбе. У меня вот разные люди есть для разных дел... Это все знали Сигге и Ашвид. Кто с ними договаривался. Но они теперь... – Мистина развел руками. – С ними разве что вельва поговорит.

Лют подумал. Ашвид, его косички в длинной бороде, украшенные серебряными бусинами тонкой моравской работы... Говорили, он погиб возле Малина, в тот день, когда Ингвар разгромил Свенельдову дружину и перебил почти всех. Сигге Сакс, сотский Свенельдовой дружины, тогда ускользнул с немногими людьми и вернулся в Искоростень, к Володиславу. И вместе с Маломиром и древлянами подстроил засаду и убийство Ингвара. А потом...

– Алдан принес мне его голову, – медленно выговорил Мистина, и каждое слово падало, тяжелое, будто камень. Опираясь локтями о стол, он закрыл лицо руками и потер пальцами закрытые глаза. – Я им сказал: не упустить суку ни за что. Взять как угодно – живым, мертвым, по частям... Лучше живым. Не знаю, как бы я с ним сторговался, что мог бы дать в обмен за все то, что знал об отцовых делах только он... Не жизнь. Живым я бы его не отпустил, даже если бы он сулил мне солнце и луну. Но он же так просто и не дался бы, а людей, способных против него выстоять, у меня на той могиле было всего четверо. Алдан его зарубил, я ему за это отдал все, что на теле нашлось.

Лют кивнул, кусая губу. Знакомый ему меч Сигге Сакса он уже видел у Алдана – оруженника Мистины, который год назад перешел к нему от Ингвара.

– Лучше пусть все пропадет, это легче перенести, чем если бы гад уполз, – Мистина опустил руки. – Иначе мне пришлось бы, помимо этой войны, еще искать его по всему свету белому. Не подстригать бороды, не мыть и не чесать волос, как тот Харальд из Северного Пути⁴, пока не найду его и не прикончу. Теперь его грызет Нидхёгг, так ему и надо. И он хотя бы никому другому не расскажет про нашу сделку...

Мистина глубоко вздохнул, положив кулаки на стол. Лют почти видел весь груз всевозможных долгов и обязанностей, каменной горой лежащий на его широких плечах. И осознал: на киевском столе после Ингвара осталась Эльга – женщина, а второй наследник, тринадцатилетний отрок, еще даже не прибыл из Новгорода. В Киеве хватает опытных, умных, толковых и надежных людей, но все же у вооруженных рук дружины должна быть какая-то одна голова. И после смерти Ингвара этой головой остался Мистина. Не потому что хотел высшей власти. Потому что много лет был ближайшим доверенным лицом и князя, и княгини, и теперь вес утраченной опоры всей тяжестью лег на него.

А смерть родного отца оставила ему в наследство и семейные дела. Порой такие же непростые, как державные. И надо же было, что Отто кейсар возжелал мантион из горностаев именно в тот год, когда на пути разгорается война!

---

⁴ Имеется в виду норвежский конунг Харальд Косматый, он же Прекрасноволосый, который дал обет не делать всего этого, пока не станет господином всей Норвегии.

– Дороги-то теперь беспокойны, – заметил Лют.

– Это первое, – кивнул Мистина. – К Коляде должен прибыть Святослав со своими, и после Коляды надо будет войску выступать. А пропустить это дело я никак не могу – наша честь родовая на кону, ты вчера сам слышал. Значит, нужно все дело уладить за два-три месяца и вернуться. Ждать санного пути – времени нет. Когда он установится, мы с войском в Деревя пойдем. В Плеснек поедем верхом, между Рупиной и Росью по дороге.

Лют поморщился невольно, представив этот путь по осенней грязи и колдобинам.

– Грязь-то что... – Мистина опять встал и прошелся, – древляне рядом. С этой стороны они, после Малина, настороже будут. Горностаи наши по цене – как вся их годовая дань. А очень много людей я в охрану дать не могу, чтобы сильно в глаза не бросалось. Мне и так боярам надо соврать что-то, почему меня перед самой войной в Плеснек понесло.

– Как – почему? – Лют с лукавым удивлением поднял брови. – А у старичка подмоги попросить? Союзник он нам или как?

– И то дело! – Мистина усмехнулся. – Но от старичка суть дела надобно утаить. У баваров и далее за скору мыта не берут. А в Волини и в Плеснеке берут. На тот товар, чем Генрих обещал расплатиться, тоже. Отец такие товары через Волинь тайком возил.

Лют слегка поджал губы. Эта новость его не удивила: он догадывался, что иногда, при перевозке очень дорогих и небольших по весу товаров, отец уклонялся от уплаты мыта. Потом поднял брови:

– Товар? Генрих не скоты обещал?

– Зачем нам его скоты?

Лют подождал, потом не выдержал:

– И что это?

Мистина подошел и наклонился к нему, опираясь о столешницу:

– «Корляги»⁵ это будут, братка. «Корляги».

Лют тихонько присвистнул.

– Много?

– Десять. По два на каждый сорочок. Генрих согласен дорого заплатить, потому что в их немецких странах горностаев, помимо нас, ни за какие скоты не достать. Два меча отцу назначались – за устройство всей сделки и помощь его людей, а уж он выплачивает скотами Тородду за перевозку. Остальные получает Анунд, поскольку товар его. И он отправит к сарацинам, а они дадут два веса в золоте за каждый.

Лют сидел, стараясь согнать с лица ошеломленное выражение. Говорят, что в Стране Франков, где куют эти мечи, клинок без набора стоит недорого – восемьдесят четыре денария, чуть меньше трех гривен. В Северных Странах за такой меч, снабженный набором из серебра и меди, дают уже две гривны золота или двадцать четыре гривны серебра. И понятно было желание возить такой товар тайком: кому же охота каждому князю по дороге отламывать по десятой части от стоимости? А бывают ведь еще такие «корляги», с клеймом лучшей рейнской мастерской и с драгоценным тонким набором из золота и серебра, что стоят свой вес в золоте. Если это пересчитать в серебро, то будет примерно триста гривен. Вся дань деревская в иной год давала лишь две стоимости таких мечей.

---

⁵ В данном случае «корляги» – «французы» – дружинное название рейнских мечей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.